

М. В. ШКАРОВСКИЙ

**ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕРКВИ
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
между двумя Мировыми войнами**

1918–1939 годы

Михаил Шкаровский

**Православные церкви
Юго-Восточной Европы
между двумя мировыми
войнами (1918 – 1939-е гг.)**

Торговый Дом "Познание"

2019

УДК 281.9
ББК 86.2

Шкаровский М. В.

Православные церкви Юго-Восточной Европы между двумя мировыми войнами (1918 – 1939-е гг.) / М. В. Шкаровский — Торговый Дом "Познание", 2019

ISBN 978-5-906960-65-8

Предлагаемое читателю издание посвящено богатой и насыщенной важными событиями истории Православных Церквей Юго-Востока Европы в период между двумя Мировыми войнами. Эти годы стали переломными в истории целого ряда Поместных Православных Церквей Балканского полуострова. Константинопольский Патриархат утратил все свои епархии в Малой Азии, но сумел сохраниться и даже увеличить свое влияние в православном мире; Сербская и Румынская Церкви приобрели статус Патриархата и существенно расширили свои территории; возникла новая автокефальная Православная Церковь — Албанская. При этом ряд Поместных Церквей оказывал не только духовное, но и политическое влияние, существенным образом воздействуя на ситуацию в своих странах (Югославия, Румыния, Греция и др.). В межвоенной ситуации значительное место занимали отношения Православных Церквей Юго-Восточной Европы с Русской Церковью, которым в работе уделено особое внимание. В некоторых странах русская эмиграция сыграла очень важную роль в развитии церковной жизни (Югославия, Болгария, Чехословакия, Венгрия). Монография базируется на богатых архивных источниках, в частности, материалах болгарских, сербских, греческих, немецких, американских, российских и других архивов. Книга предназначена для историков, священнослужителей и всех интересующихся историей христианства. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 281.9
ББК 86.2

ISBN 978-5-906960-65-8

© Шкаровский М. В., 2019

© Торговый Дом "Познание", 2019

Содержание

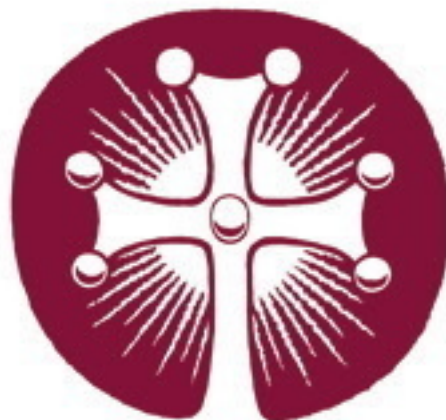
Предисловие	7
Глава I	15
1. Константинопольский Патриархат	15
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Михаил Шкаровский

Православные Церкви Юго-Восточной Европы между двумя мировыми войнами (1918–1939 гг.)

Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р18-815-0563

ПОЗНАНИЕ

© Шкаровский М.В., текст, 2019

© АНО «ЦЕНТР-ПОЗНАНИЕ» (Издательский дом «Познание»), оформление, 2019

Предисловие

История Православных Церквей Юго-Востока Европы в период между двумя мировыми войнами характеризуется многими важными событиями. Эти годы стали переломными для целого ряда Поместных Православных Церквей Балканского полуострова. Сербская и Румынская Церкви после окончания Первой мировой войны существенно расширили свои территории и в 1920-е гг. приобрели статус Патриархата. В 1930-е гг. возникла новая автокефальная Православная Церковь – Албанская. Константинопольский Патриархат утратил все свои епархии в Малой Азии, но сумел сохраниться и даже увеличить свое влияние в Православном мире. При этом он перешел к неканоничной политике подчинения себе епархий и автономных Православных Церквей, отделившихся от Матери-Церкви, прежде всего Русской, а также к проведению ряда церковных реформ. Это привело к значительному ухудшению отношений как с Московским Патриархатом, так и с Русской Православной Церковью Заграницей.

Элладская Церковь, несмотря на поражение Греции в войне с Турцией, в целом расширила свое каноническую территорию и существенно увеличила паству. Росту ее влияния в православном мире способствовали и некоторые внутренние преобразования. Развитие же церковной жизни Болгарии в первой половине XX в., напротив, проходило очень драматично и характеризовалось целым рядом заметных потрясений, конфликтов и преобразований: значительным сокращением территории Болгарского экзархата в результате поражений страны в ходе Второй Балканской и Первой мировой войн, конфликтами с правительством и безуспешными попытками преодолеть схизму в 1920-1930-е гг. Несмотря на различные потрясения, некоторые Поместные Церкви оказывали не только духовное, но и политическое влияние, существенным образом воздействуя на ситуацию в своих странах (Югославия, Румыния, Греция и др.).

Хронологические рамки исследования в основном охватывают время с 1918 по 1939 гг., но в отдельных случаях освещалась история Православных Церквей Юго-Востока Европы и русской церковной эмиграции в предшествующие десятилетия и даже столетия для лучшего понимания предыстории описываемых событий. Территориально работа ограничена главным образом Балканским полуостровом – историческим ядром православия, где православное население преобладает и в наши дни. В публицистике Балканы справедливо получили наименование «пороховой бочки Европы». В этом взрывоопасном регионе, где в XX в. зарождалось и бушевало большое количество войн, в 1920-1940-х гг. проживала значительная часть русской церковной эмиграции и находились руководящие органы Русской Православной Церкви Заграницей.

В ряде случаев исследование выходит за пределы Балкан. Исторически и политически Венгрия и Румыния относятся к Юго-Восточной Европе, на их территории существовали сербские общины, и история православия в этих странах имела балканскую специфику.

Значительное внимание в монографии уделено деятельности Русской Православной Церкви в странах Юго-Восточной Европы в 1918–1939 гг. В этот период русское духовенство играло значительную роль в религиозной жизни Восточной Европы. Оно было более образованно, активно, креативно, чем местные православные священнослужители, и поэтому с начала 1920-х гг. зачастую выступало инициатором многих важных духовных процессов: способствовало возрождению монашества, созданию духовных учебных заведений, развитию богословской науки и т. д.

Некоторые страны Юго-Восточной Европы после Первой мировой войны обрели независимость или значительно расширили свои территории, поэтому многое в их внутреннем устройстве, в том числе в церковной жизни, пришлось создавать заново, и в данном деле русские священнослужители смогли ярко проявить себя. Этому способствовала историческая

вековая традиция воспринимать Церковь могущественной Российской империи (хотя уже и не существующей после 1917 г.) как ведущую в православном мире.

В ряде неправославных по основному составу населения стран (где отсутствовали местные устойчивые православные традиции) русские священнослужители даже играли заметную роль в попытках создания новых Православных Церквей: в Венгрии, Албании, Хорватии, Чехословакии. Далеко не везде эти попытки (имеющие политический подтекст) увенчались успехом, однако они так или иначе способствовали укреплению православной традиции.

Первые православные русские храмы появились в Юго-Восточной Европе в начале XIX в. Однако численность их прихожан оставалась небольшой. Ситуация изменилась после Октябрьской революции 1917 г. и окончания Гражданской войны в России. Пределы страны покинули около двух миллионов представителей белой эмиграции, не смилившихся с победой советской власти. Из них более 200 тысяч к началу 1920-х гг. поселились в странах Балканского полуострова, прежде всего в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославии). Такое количество эмигрантов способствовало значительной активизации русской церковной жизни.

Как существовавшие ранее, так и появившиеся после 1917 г. православные общины не имели единого управления и принадлежали к трем юрисдикциям, к началу 1930-х гг. возникшим на основе прежде единой Русской Церкви: Московский Патриархат, Русская Православная Церковь Заграницей с центром в югославском городе Сремские Карловцы (карловчане) и Временный экзархат Константинопольского Патриарха на территории Европы с центром в Париже, который возглавлял митрополит Евлогий (по имени главы – евлогиане). Правда, общин Московского Патриархата в Юго-Восточной Европе к началу Второй мировой войны практически не осталось, немного было и евлогианских приходов. Подавляющее большинство священнослужителей и мирян принадлежало к Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ).

Эта Церковь хотя и была относительно небольшой по численности, однако обладала значительным авторитетом и поэтому играла заметную роль в определении общей церковной ситуации на Юго-Востоке Европы. Паства РПЦЗ проживала в Болгарии, Румынии, Греции, Венгрии, Турции и даже в Албании, но в основном в Югославии. На территории этого государства в начале 1920-х гг. поселились до 120 тысяч русских эмигрантов (правда, затем их число существенно сократилось). Они построили шесть церквей и часовен, создали более десяти приходов, многочисленные духовные братства. Монахи из России проживали во многих сербских монастырях и, кроме того, образовали еще два самостоятельных – мужской в Мильково и женский в Хопово. На богословском факультете Белградского университета преподавали несколько русских профессоров и обучались десятки русских студентов. В г. Сремски Карловцы (с 1941 г. – в Белграде) находился руководящий орган РПЦЗ – Архиерейский Синод во главе с председателем митрополитом Анастасием (Грибановским¹).

Уже через пару лет после прихода нацистов к власти в Германии, в конце 1935 – начале 1936 гг., Юго-Восточная Европа оказались в поле зрения их внешней политики. Расположенные в этом регионе государства населяли в основном православные народы – сербы, черногорцы, македонцы, болгары, румыны, греки и т. д. Национальные Православные Церкви традиционно играли большую роль в жизни балканских стран, и Германский МИД еще до оккупации Греции и Югославии в 1936–1941 гг. постоянно пытался различными способами включить их в сферу влияния III рейха. Этот фактор оказывал заметное влияние и на нацистскую политику в отношении Русской Православной Церкви.

Историография избранной темы не очень велика. Советскими учеными история Православных Поместных Церквей в первой половине XX в., а также деятельность Русской Право-

---

¹ Bundesarchiv Berlin (BA), 62Di 1/85. Bl. 52; Григорьевич Б. Русская православная церковь в период между двумя мировыми войнами // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 11–113.

славной Церкви за пределами СССР, в том числе на Балканах, практически не изучалась. С 1990-х гг. в России стали появляться труды, рассматривающие те или иные аспекты избранной темы. Истории русской церковной эмиграции в Югославии посвящена небольшая, но интересная книга В.И. Косика². Значительный вклад в изучение истории Поместных Православных Церквей, в том числе в период между двумя мировыми войнами, внес преподаватель Московской духовной академии К.Е. Скурат³. Отдельные использованные сюжеты рассматривались в работах А.А. Кострюкова⁴, А.В. Попова⁵, С.В. Болотова⁶, А.В. Слесарева⁷, священнослужителей Московского Патриархата – игумена Митрофана (Шкурина⁸), священника Александра Мазырина⁹, протоиерея Владислава Цыпина¹⁰ и русских эмигрантов – С.В. Троицкого¹¹, архиепископа Никона (Рклицкого¹²). Значительный интерес представляет недавняя монография священника Александра Мазырина и А.А. Кострюкова, посвященная некоторым проблемам в истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей¹³.

Русскую церковную эмиграцию в Греции наиболее плодотворено изучала И.Л. Жалнина-Василькиоти, написавшая многочисленные статьи, а также книгу о выдающихся фигурах российской эмиграции в этой стране¹⁴. Одним из основных авторов, изучающих историю русских общин в Греции и Турции, является проживающий в настоящее время в Милане петербургский историк М.Г. Талалай. Он опубликовал несколько ценных работ, в том числе по истории храмов в Афинах, Пирее и русских обителей на Святой Горе Афон¹⁵. Русским монашеством Афона также занимался П. Троицкий¹⁶.

Важной работой является коллективный труд «Русские храмы и обители в Европе», составителями которого были петербургские ученые В.В. Антонов и А.В. Кобак¹⁷. Разделы этого труда, посвященные русским храмам в Турции и русским обителям Афона, написал

² Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20-40-е годы XX века). М., 2000.

³ Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей. В 2 ч. М., 1994; *Его же*. Исторический очерк Православной Церкви Чешских земель и Словакии // Богословский вестник Московской духовной академии и семинарии. 2003. № 3. С. 179–191.

⁴ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг.: Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011; *Его же*. К истории взаимоотношений между Русской Зарубежной Церковью и Константинопольской Патриархией в 1920–1924 гг. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 6 (43). С. 61–62 и др.

⁵ Российское православное зарубежье: история и источники / Сост. А.В. Попов. М., 2005.

⁶ Болотов С.В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930–1950-е годы. М., 2011.

⁷ Слесарев А.В. Старостильный раскол в истории Православной Церкви (1924–2008). М., 2009.

⁸ Митрофан (Шкурин), игум. Русская Православная Церковь и советская внешняя политика в 1922–1929 годах: (По материалам Антирелигиозной комиссии) // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 158–169.

⁹ Александр Мазырин, свц. Константинопольский Патриархат и обновленческий раскол // URL: <http://www.pravoslavie.ru>

¹⁰ Владислав Цыпин, прот. История Русской Церкви 1917–1997. История Русской Церкви. Кн. 9. М., 1997.

¹¹ Троицкий С. Црквена јурисдикција над православном диаспором. Сремски Карловци, 1932.

¹² Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1961. Т. 10 и др.

¹³ Александр Мазырин, свц., А.А. Кострюков. Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке. М., 2017.

¹⁴ Жалнина-Василькиоти И.Л. Русская эмиграция в Греции. Судьбы. XX век. М., 2015.

¹⁵ Талалай М.Г. Русское кладбище имени Е.К.В. Королевы Эллинов Ольги Константиновны в Пирее (Греция). СПб., 2002; *Его же*. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2003; *Его же*. Положение русского монашества на Афоне после 1912 г. // Россия и христианский Восток. М., 2004. С. 581–589; *Его же*. Русская община в Афинах // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 98–101; *Его же*. Русские захоронения на военном кладбище Зейтинлик в Салониках. СПб., 1999; *Его же*. Русские церковные общины в Греции в межвоенный период // Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг. Вып. 2. М. – СПб., 2005. С. 124–131; *Его же*. Генеалогия Демидовых князей Сан-Донато (по зарубежным источникам) // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 3. Сост. Н.Г. Демидова. М., 2003. С. 117–119 и др.

¹⁶ Троицкий П. Свято-Андреевский скит и русские кельи на Афоне. М., 2002; *Его же*. Русские на Афоне. XIX–XX век. М., 2003; *Его же*. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. М., 2009.

¹⁷ Русские храмы и обители в Европе / Авт. – сост. В.В. Антонов, А.В. Кобак. СПб., 2005.

М.Г. Талалай при небольшом участии В.В. Антонова. Существенным вкладом в изучение биографий насельников русских афонских обителей стало изданное Свято-Пантелеимоновским монастырем (Руссиком) в 2012 г. коллективное исследование «Русский афонский отечник XIX–XX веков». Значительный интерес представляют и другие тома выпущенной Руссиком 25-томной серии по истории монастыря. Некоторые сюжеты избранной темы монографии ранее уже освещались в работах автора нынешнего издания¹⁸.

К настоящему времени достаточно много сделано для изучения биографий русских зарубежных священнослужителей, хотя в этой области еще предстоит большая работа. Относительно полно освещены биографии архиереев Московского Патриархата, в том числе перешедших в его юрисдикцию из РПЦЗ, в труде протодиакона Александра Киреева¹⁹. Митрополит Мануил (Лемешевский) также оставил после себя многотомный труд, охватывающий биографии всех православных епископов с 1893 по 1965 гг. Еще раньше работу, содержащую подборку биографий русского православного епископата за 1941–1953 гг., написал эмигрантский историк В.И. Алексеев²⁰. В 2000-е гг. вышли две работы, специально посвященные биографиям служивших за границей русских церковных деятелей: Антуана Нивьера и В.И. Косика²¹.

Среди опубликованных трудов немецких и американских ученых, частично посвященных истории Православных Церквей Юго-Восточной Европы и русской церковной эмиграции в этом регионе, следует назвать монографии по истории Православных Церквей в XX веке канадского историка Д.В. Поспеловского²², хотя самостоятельных глубоких исследований по данным сюжетам он не проводил.

Много ценных фактов можно извлечь из обзорных работ по истории Югославии и ее отдельных регионов немецких историков Т. Бремера, К. Бухенау и Л. Штайндорфа²³. Хорошую книгу по истории Зарубежной Русской Православной Церкви (на материалах Германии) написала церковная исследовательница К. Геде²⁴. Другой немецкий церковный историк Г. Зайде в своих трудах достаточно квалифицированно описал общую историю Русской Православной Церкви Заграницей, однако многие важные сюжеты у него отражены слишком кратко²⁵.

При написании параграфов о деятельности Православных Церквей в Югославии, Болгарии, Венгрии, Греции, Турции, Румынии активно использовались труды местных историков: греческих – А. Нанакиса, А.Д. Делимбасиса, А.А. Паллиса, Г. Псаллидиса, сербских – М. Йовановича, З. Петровича, Р. Радич, В. Джурича; болгарских – Д. Калканджиевой, С. Елдьрова, К.А. Бойкикевой; румынских – А. Морару, М. Пэкурариу; венгерских – Э. Киша, протоиерея Ферица Берки; хорватских – Ю. Кришто, П. Позара, турецкого ученого Т. Эргене и других. При всем различии и нередко значительной политизированности их позиций эти труды пред-

¹⁸ Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002; *Его же*. История русской церковной эмиграции. СПб., 2009 и др.

¹⁹ Александр Киреев, протодиак. Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943–2005 годах. М., 2005.

²⁰ Alexeev W. Russian orthodox bishops in Soviet Union, 1941–1953. New York. Research program on the USSR: Mimeographed series. № 61. 1954.

²¹ Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995: Биографический справочник. М. – Париж, 2007.

²² Pospelovskii D. The Russian Church under the Soviet Regime 1917–1982. New York, 1984; *Его же*. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995; *Его же*. Тоталитаризм и вероисповедание. М., 2003.

²³ Buchenau K. Kämpfende Kirchen. Jugoslawiens religiöse Hypothek. Frankfurt am Main, 2006; Bremer T. Kleine Geschichte der Religionen in Jugoslawien. Freiburg-Basel-Wien, 2003; Steindorf L. Kroatien. Vom Mittelalter bis zur Gegenwart. München, 2001.

²⁴ Gäde K. Russische Orthodoxe Kirche in Deutschland in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts. Köln, 1985.

²⁵ Seide G. Geschichte der Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. Wiesbaden, 1983; Seide G. Die Kloster der Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. München, 1984; Seide G. Die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland unter besonderer Berücksichtigung der Deutschen Diözese. München, 2001.

ставляют значительную ценность вследствие использования большого комплекса документов государственных и церковных архивов балканских стран²⁶.

Значительную ценность представляют опубликованные воспоминания и исследования непосредственных участников описываемых в монографии событий: митрополита Евлогия (Георгиевского), архиепископа Нафанаила (Львова), правителя дел Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей епископа Григория (Габбе), архиепископа Виталия (Максименко), известного русского церковного деятеля и писателя В. Маевского, архиепископа Василия (Кривошеина), схиархимандрита Софрония (Сахарова) и других²⁷.

Главным недостатком существующей историографии избранной темы является узость источниковой базы. Материалы как российских, так и зарубежных архивов использовались недостаточно. Между тем предлагаемая читателю монография основана, главным образом, на архивных документах. Ее источниковую базу составляют материалы 13 государственных (четырех российских, трех немецких, двух американских, двух сербских, одного болгарского и одного греческого), а также семи церковных архивов.

Все соответствующие архивы можно разделить на две большие группы: государственные и церковные. В Российском государственном историческом архиве (РГИА, Санкт-Петербург) хранится большое количество документов о русских храмах и монастырях в странах Юго-Восточной Европы в XIX-начале XX веков. Они находятся в фондах Канцелярии Святейшего Синода (ф. 796), Канцелярии обер-прокурора Синода (ф. 797), Хозяйственного управления Синода (ф. 799), Комиссии по постройке храма Рождества Христова на Шипке (ф. 819), фонде «Строительные планы и фотографии Святейшего Синода» (ф. 835) и ряде других. Подобные документы также имеются в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга – фонде Петроградской духовной консистории (ф. 19) и др., так как до 1918 г. все русские храмы в зарубежной Европе находились в ведении Петроградского (до 1934 г. – Санкт-Петербургского) митрополита.

Особый интерес среди российских государственных архивов в плане избранной темы представляет находящийся в Москве Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Здесь большинство документов по истории русской церковной эмиграции содержат обширные фонды Совета по делам религий (до 1965 г. – Совета по делам Русской Православной Церкви) (ф. Р-6991) и, прежде всего, Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей (ф. Р-6343). Архив канцелярии Архиерейского Синода первоначально находился в Сремских Карловцах и в первые месяцы 1945 г. был вывезен советскими войсками в Москву и помещен в Центральный государственный Особый архив СССР.

²⁶ Нанакис А. История Вселенского Константинопольского Патриархата в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе, XX век. Киев, 2010. С. 25–52; Delimbasis A.D. Pascha of the Lord, Creation, Renewal, and Apostasy. Athens, 1985; Psallidas G. Ecclesiastical Policy of the Occupying Forces in Greece and the Reactions of the Greek Orthodox Church to Its Implementation (1941–1944) // Religion under Siege. II. Protestant, Orthodox and Muslim Communities in Occupied Europe (1939–1950). Leuven, 2007. P. 93–118; Jelić-Butić F. Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska 1941–1945. Zagreb, 1978; Djurić V. Ustaše i pravoslavlje. Hrvatska pravoslavna crkva. Beograd, 1989; Ђурић В. Усташе и Православље. Хрватска Православна Црква. Београд, 1989; Kosović B. Zrtve drugog svetskog rata u Jugoslavije. London, 1985; Zerjavić V. Gubici stanovništva Jugoslavije u drugom svetskom ratu. Zagreb, 1989; Batelja Ju. Crna knjiga o grozovitostima komunističke vlada – vine u Hrvatskoj. Zagreb, 2000; Pozar P. Hrvatska Pravoslavna Crkva u prošlosti i budućnosti. Zagreb, 1996; Krišto Ju. Katolička crkva i Nezavisna Država Hrvatska 1941–1945. Dokumenti. Zagreb, 1998; Krišto Ju. Sukob simbola. Politika, vjero i ideologije u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. Zagreb, 2001; Радић Р. Држава и верске заједнице 1945–1970. Д. 1. Београд, 2002; Петровић З. Манастири Свете Горе. Приштина, 1994; Бойкикева К.А. Болгарская Православная Церковь. Исторический очерк. София, 2005; Елдьоров С. Православието на войне. България православна църква и войните на България 1877–1945. София. 2004; Ergene T. Istikl harbinde Trk ortadokslari (The Turkish Orthodox in the War of Independence). Istanbul, 1951 и др.

²⁷ Виталий (Максименко), архиеп. Мотивы моей жизни. Джорданвилл, 1955; Архим. Нафанаил (Львов). Страничка из жизни обители преподобного Иова // Православная жизнь. 1996. № 7. С. 3–31; Григорий (Габбе), еп. Завет Святого Патриарха. М., 1996; Василий (Кривошеин), архиеп. Воспоминания. Нижний Новгород, 1998; Его же. Спасенный Богом. Воспоминания, письма. СПб., 2007; Церковь владыки Василия (Кривошеина). Письма, статьи, воспоминания / Сост. А. Мусин. Нижний Новгород, 2004; Софроний (Сахаров), иеромон. Старец Силуан Афонский. М., 1996; Маевский В. Афонские рассказы. Париж, 1950; Его же. Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии: В 2-х т. Нью-Йорк, 1966 и др.

25 августа 1948 г., согласно решению № 12/3-937 Главного архивного управления МВД СССР, документы Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей в количестве 55 дел и 16 килограммов россыпи передали в Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ныне ГА РФ), где после обработки и описания был образован фонд Р-6343 «Высшее церковное управление Русской Православной Церкви Заграницей» в количестве 384 дел. В 1996 г. фонд был переименован в «Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей г. Сремские Карловцы, Югославия». В 1992 и 1998 гг. к нему присоединили несколько дел, сформированных из россыпи, поступившей из Библиотеки федеральных архивов. В настоящее время фонд Архиерейского Синода включает в себя 388 дел за 1917–1941 гг. Следует назвать и личные фонды ряда известных зарубежных церковных деятелей, в частности, митрополита Западно-Европейского Евлогия (Георгиевского) (ф. Р-5919). Религиозную ситуацию в Юго-Восточной Европе и историю русской церковной эмиграции в 1920-1930-е гг. можно изучать и по материалам Российского государственного архива социально-политической истории в Москве (РГАСПИ), в частности, в фонде Центрального Комитета ВКП(б) – КПСС (ф. 17).

В Германии прежде всего следует указать Федеральный архив в Берлине (Bundesarchiv Berlin – BA), где наибольшее значение для избранной темы имеет фонд Рейхсминистерства иностранных дел, в котором хранятся дела, содержащие донесения немецких посольств и уполномоченных МИДа о религиозной ситуации в европейских странах. В двух подобных делах, в частности, имеются сведения о положении русских обитателей на Святой Горе Афон (R 901). В фонде Главного управления имперской безопасности имеется богатейшая информация о положении Русской Православной Церкви на территории Восточной Европы: в нескольких группах сообщений представителей этого ведомства (R 58).

Фонд Рейхсминистерства церковных дел содержит прежде всего материалы о положении приходов Русской Православной Церкви на территории Германии, однако с информативной целью министерство также получало различные сообщения и докладные записки о религиозной ситуации на Балканах. Таким образом, в этом фонде отложились дела, содержащие богатую информацию о Православных Церквях в Греции (в том числе на Святой Горе Афон), Протекторате Богемия и Моравия, Болгарии, Румынии и Сербии (R 5101). Кроме того, в Федеральном архиве отдельные акты, относящиеся к германской церковной политике на юго-востоке Европы, содержатся в фондах Имперской канцелярии (R 43/II), Рейхсминистерства юстиции (R 22), Рейхсминистерства финансов (R 2), Внешнеполитической службы национал-социалистической германской рабочей партии (NS 43) и др.

Ценным архивохранилищем является Политический архив Министерства иностранных дел в Бонне (Politisches Archiv des Auswärtigen Amts Bonn – AA), где хранятся десятки дел с аналитическими записками, отчетами, письмами, телеграммами немецких дипломатических служб о религиозной ситуации в странах Восточной и Центральной Европы, в том числе в Югославии, Греции, Словакии, Венгрии и т. д. (Inland I-D, 4740–4742, 4797–4800 и др.).

Третьим использованным германским архивом был архив Института современной истории в Мюнхене (Institut für Zeitgeschichte München – IfZ). В нем так же, как и в Федеральном архиве Берлина, имеется фонд Рейхсминистерства занятых восточных территорий. Он меньше по объему, но содержит много важных документов, отсутствующих в Берлине. Определенную ценность в этом плане представляет большая их подборка, рассказывающая о германской политике по отношению к Русской Церкви (МА 794, 795, 797). О церковной ситуации в Югославии и других странах Восточной Европы говорится в материалах немецкого военного командования (МА 1039), Главного управления имперской безопасности (МА 447, 558, Еа 231/3) и Внешнеполитической службы «Восток» (МА 128).

Были использованы документы из двух сербских архивов: Архива Югославии в Белграде (Архив Југославије, Београд) и Архива Сербии в Белграде (Архив Србије, Београд) – фонд Г/3

Министерства просвещения и религии (Министерство просвете и вера). Также удалось получить переводы некоторых документов Синода Элладской Православной Церкви, хранящихся в Историческом архиве Священного Синода Элладской Церкви в Афинах (Historical Archives of the Holy Synod of the Greek Church – НАНС).

По-своему уникальная ситуация существует в Болгарии – Болгарская Церковь единственная из Православных Церквей Восточной Европы полностью передала свои документы за 1920-1930-е гг. в государственный архив, где они полностью доступны для исследователей. Автором были предприняты поездки в Софию, где он работал прежде всего в Центральном государственном архиве Болгарии (Централен държавен архив – ЦДА). Здесь были изучены как фонды занимавшихся церковными делами учреждений и ведомств этой страны, так и документы самой Болгарской Православной Церкви 1930-1945-х гг., прежде всего фонд Священного Синода (ф. 791 к). Удалось изучить и некоторые материалы в Архиве Рильского монастыря в Болгарии.

Автор работал и в двух содержащих русские церковные документы архивах американских университетов. Первый из них – Бахметьевский архив русской и восточно-европейской истории и культуры находится в Колумбийском университете г. Нью-Йорка (The Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, New York). В этом архиве использовались, главным образом, документы фонда известного деятеля Русской Православной Церкви Заграницей протоиерея Владимира Востокова, служившего в Югославии. Другой архив принадлежит Стенфордскому университету, расположенному в Силиконовой долине вблизи г. Сан-Франциско (Калифорния). Одна часть архива хранится в Гуверовском институте войны, революции и мира (Hoover Institution on war, revolution and peace Archives, Stanford University): коллекции А. Даллина, Н. Иванова, Б. Николаевского, Г. Фишера, а вторая – в специальной коллекции университетской библиотеки (Stanford University, Special collections Librarian). Здесь особенный интерес представляет фонд епископа Григория (Граббе).

Вторую группу образуют семь русских церковных архивов, прежде всего, Синодальный архив Русской Православной Церкви Заграницей в г. Нью-Йорке (СА). Из состава его документов для подготовки монографии использовались материалы нескольких десятков дел: переписка председателя Архиерейского Синода митрополита Анастасия и епископа Берлинского Серафима 1938–1939 гг. (д. 24/42), переписка митрополита Анастасия с различными гражданскими и церковными инстанциями в Югославии (д. 15/41), документы русских общин в Венгрии (д. 18/41), дела с протоколами заседаний Архиерейского Синода РПЦЗ за 1940–1946 гг. и протоколами Архиерейских Соборов 1921–1949 гг., личные дела митрополита Анастасия (Грибановского), архиепископа Аверкия (Таушева), епископа Георгия (Граббе) и т. д.

На севере штата Нью-Йорк, в небольшом городке Джорданвилле находится Архив Свято-Троицкой духовной семинарии Русской Православной Церкви Заграницей. Здесь были использованы личные фонды генерала П.Н. Краснова, церковного писателя В.А. Маевского (собравшего большое количество документов русских обителей на Святой Горе Афон), историков В.И. Алексеева, протопресвитера Михаила Польского, журналиста В.К. Абданк-Коссовского, содержащие материалы по истории русской церковной эмиграции, а также фонд «Русский фашизм».

Эти материалы дополняет Архив Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей в г. Мюнхене (АГЕ). Здесь хранятся дело «Разная переписка. Военные годы» с документами начальника канцелярии Архиерейского Синода РПЦЗ до начала 1930-х гг. Е.И. Махароблидзе, книга постановлений 1934–1948 гг. Духовного собора русского монастыря прп. Иова Почаевского в Чехословакии, который вел большую издательско-миссионерскую работу. Следует отметить и дело «Указы Архиерейского Синода РПЦЗ. Распоряжения Патриархии. 1923–1951 гг.», в котором собраны различные материалы по истории Русской Православной Церкви.

Следует упомянуть и Архив автокефальной Американской Православной Церкви в Сайоссете (штат Нью-Йорк) – The Archives of the Orthodox Church in Amerika Syosset (ОСА Archives). В этом архивохранилище использовались материалы известного церковного историка протоиерея Димитрия Константинова, переписка Болгарской, Сербской и других Поместных Православных Церквей с Американской Церковью.

Чрезвычайно богат Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АРПМА), в котором были изучены десятки дел, содержащих документы как самих русских обителей Святой Горы, так и их подворий и метохов в Константинополе и на территории Греции. Также были изучены некоторые материалы Архива Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, расположенного в Даниловом монастыре (Москва), прежде всего из папки «Афон». Отдельные личные дела вернувшихся из эмиграции священнослужителей просматривались в Архиве Санкт-Петербургской епархии.

Материалы 1918–1939 гг. сохранились далеко не полностью, поэтому в монографии активно использовались статьи и публикации документов из русских православных периодических изданий тех лет – прежде всего газеты «Православная Русь» (Ладомирова, Чехословакия), журналов «Церковная жизнь» (Белград), «Церковное обозрение» (Белград), «Сообщения и распоряжения Высокопреосвященнейшего Серафима, митрополита Берлинского и Германского и Средне-Европейского митрополичьего округа» (Берлин) и др.

Автором монографии является доктор исторических наук, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия и Санкт-Петербургской духовной академии, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга Михаил Витальевич Шкаровский.

Глава I

Греческие Церкви в межвоенный период

1. Константинопольский Патриархат

Первая половина XX в. стала для Константинопольского Патриархата временем тяжелых испытаний, реформ и серьезных конфликтов с другими Поместными Православными Церквями и светскими властями ряда государств. Одно время под угрозой находилась даже сама дальнейшая возможность его существования. И все же в целом он смог не только сохраниться, но и после бурных потрясений вновь существенно расширить свое влияние. При этом заметную роль играли непростые взаимоотношения Фанара с Московским Патриархатом и русской православной эмиграцией.

К моменту революционных событий 1917 г. и окончания Первой мировой войны Константинопольский Патриархат являлся одним из самых значительных и влиятельных в православном мире. В его состав входили 40 расположенных на территории Османской империи епархий с общим числом верующих более 2 миллионов человек (в том числе 30 епархий в Малой Азии). Патриарший престол занимал владыка Герман V (в миру Георгий Кавакопулос). Он родился в 1835 г. в Константинополе (Стамбуле), окончил начальную школу Фанара, Великую национальную школу в Стамбуле и Халкинскую богословскую школу (1863), где принял монашество и был рукоположен во диакона. 22 августа 1864 г. о. Герман был возведен в сан великого архидиакона, 12 марта 1867 г. хиротонисан в митрополита Коса. С марта 1874 г. по февраль 1876 г. он состоял членом Священного Синода и возглавлял центральное попечительство над органами образования. 19 февраля 1876 г. владыка Герман был перемещен на Родосскую митрополию, в 1886 г. вновь избран членом Священного Синода. После отставки Патриарха Иоакима IV (14 ноября 1886 г.) его, несмотря на молодость, рассматривали в качестве кандидата на Патриарший престол. С 1887 г. на всех выборах Первосвятителя он выступал одним из основных кандидатов, но всякий раз вычеркивался из избирательных списков Высокой Портой. Новый Патриарх Дионисий V опять избрал владыку Германа членом Синода (до 1888 г.), затем он был перемещен на Ираклийскую митрополию. В 1890 г. митрополит снова был призван в члены Синода и стал ближайшим помощником Патриарха Дионисия V в борьбе с Портой за права и прономии Церкви. 3 октября 1890 г. во всех храмах Константинопольского Патриархата был объявлен интердикт – прекращение богослужений в знак протеста против политики турецких властей. Эта мера, вызвавшая осуждение российской дипломатии и священноначалия, а также умеренно настроенных греческих иерархов, тем не менее сыграла свою роль. К концу декабря 1890 г. конфликт с Портой был улажен, и паства справедливо считала владыку Германа победителем в борьбе за права Церкви.

В 1880-1890-е гг. он был председателем Смешанного Совета при Патриархии, народных благотворительных учреждений, попечительства над Халкинской богословской школой, Великой национальной школой, патриаршего печатного органа «Церковная правда» («Церковная истина») и патриаршей типографии, комиссий по архиерейским имуществам и экономической. При этом митрополит Герман возглавлял группу иерархов, которые ориентировались на греческий национальный центр в Афинах и противостояли в этом плане вторично управлявшему Церковью с 25 мая 1901 г. Константинопольскому Патриарху Иоакиму III, отстаивавшему идею вселенского главенства. Владыке Герману оказывало поддержку влиятельное в Османской империи православное семейство банкиров Стефановиков (Стефановичей), именно он убедил Павла Стефановика профинансировать восстановление разрушенных

в 1896 г. землетрясением зданий богословской школы на острове Халки. 10 мая 1897 г. владыка Герман был перемещен на Халкидонскую митрополию, где он на средства П. Стефановика построил храм Пресвятой Троицы и училище для девочек²⁸.

Владыка Герман был избран Патриархом в возрасте 63 лет 28 января/ 10 февраля 1913 г. (после смерти 13 ноября 1912 г. Патриарха Иоакима III), 5 февраля состоялась его интронизация. По мнению греческих историков, в течение своего патриаршего служения Герман V постоянно дистанцировался от духа и буквы принятых в 1860 г. Церковно-народным собранием четырех «Общих уставов» Патриархата. Он был сторонником прежней системы управления Константинопольского Патриархата, известной как «геронтизм». Согласно этой, существовавшей с середины XVIII в. до 1860 г. системе, несколько старейших митрополитов-геронтов, постоянных членов Синода (сначала 6, а потом 12), приезжавших в Константинополь на длительный срок из своих резиденций, в частности из Никомидии, Никеи, Халкидона, Деркона, Кизика, Кесарии, Ираклии (Гераклеи) и Эфеса, осуществляли основные линии управления. У геронтов хранилась печать Патриархата, и для принятия каждого документа требовалось их согласие, подписи и оттиск печати. Патриарх Герман также подбирал членов Священного Синода по своему усмотрению, а не на основе списка избранных епископов, подаваемого согласно «Общим уставам»²⁹.

Однако важнейшие положения этих уставов сохраняли свою силу. Священный Синод состоял из 12 архиереев, сменяемых через два года, причем никто из архиереев – не членов Синода – не мог находиться в Константинополе без специального разрешения Патриарха. Равным образом члены Синода, заседания которого должны были происходить два раза в неделю, не могли отлучаться из столицы. Кроме того, согласно «Общим уставам», было создано особое административное учреждение – Постоянный смешанный совет из 12 членов – четырех архиереев и восьми мирян. В их обязанности входило следить за исполнением завещаний и других актов, рассмотрение вопросов по наследству, наблюдение за школами, больницами, другими богоугодными заведениями и т. д. Таким образом, Патриарх формально (а нередко и фактически) был подчинен в церковных делах Синоду, а в гражданских – Постоянному смешанному совету. Допуск мирян в церковные дела проложил путь к политизации Константинопольской Церкви, которая постепенно попала в зависимость от националистически настроенных богатейших греческих жителей Османской империи, тесно связанных с правительством Греческого королевства. Как справедливо отмечала петербургская исследовательница Л.А. Гердт: «Крайний греческий национализм был тем веянием, которое привнес в церковную жизнь второй половины XIX в. Смешанный совет»³⁰.

В 1912–1913 гг. Константинопольская Патриархия приняла непосредственное участие в борьбе с движением русских монахов-имяславцев на Святой Горе Афон. 27 августа Халкинская богословская школа по поручению Патриарха рассмотрела учение имяславия (имябожия) и признала его еретическим³¹. 12 сентября 1912 г. «новое лжеучение» было осуждено грамотой Патриарха Иоакима III³². 29 января 1913 г. иноки Свято-Андреевского скита, который стал основным центром движения, были объявлены Протатом Святой Горы отлученными от Церкви впредь до суда Константинопольской Патриархии и запрещенными в служении. 5 апреля того же года имяславие было осуждено как ересь новым Вселенским Патриархом Германом V³³.

²⁸ Гердт Л.А. Герман V Патриарх Константинопольский // Православная энциклопедия. Т. XI. М., 2006. С. 263.

²⁹ Нанакис А. История Вселенского Константинопольского Патриархата в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе. XX век. Киев, 2010. С. 30–31, 40.

³⁰ Гердт Л.А. Предисловие // Архимандрит Антоний Капустин. Донесения из Константинополя (1860–1865). М., 2013. С. 21–23.

³¹ Утверждение монахов, что «имя Божие есть Сам Бог», было изобличено как ересь «имябожия» или «ономатолатрии».

³² Утро России. 1913. 27 июля.

³³ Миндлин А.Б. Подавление религиозного движения русских монахов на греческом Афоне (по материалам российской

Константинопольский Патриарх поддержал Святейший Синод Российской Церкви в подавлении движения и содействовал насильственной высылке имяславцев с Афона. При этом он обратил внимание Святейшего Синода на то, что «с монахами, принявшими законным образом постриг на Афоне, нельзя обращаться как с мирянами и нельзя насильно заставлять их возвращаться в мир. Если они совершили поступок, который должен повлечь за собой снятие сана, то они должны предаваться церковному суду и лишь по утверждении приговора лишаться права носить мантию и клобук»³⁴.

Указом Синода Российской Церкви от 24 августа 1913 г. иноки, не принявшие его послания с осуждением имяславия, были запрещены в священнослужении и причащении Святых Таин. В послании к Святейшему Синоду Патриарх Герман V выразил пожелание, чтобы изгнанные монахи даже в случае раскаяния не могли быть возвращены на Афон³⁵. При этом Святейший Синод не хотел заниматься судебным разбирательством с имяславцами, стараясь передать его Константинопольской Патриархии. Однако Патриарх Герман V тоже не желал разбирать «афонское дело» и в послании от 11 декабря 1913 г. отклонил предложение Синода, предложив ему самому определить судьбу афонитов. В кругах, близких к Святейшему Синоду, подобный ответ расценили как нежелание предоставить возможность русским инокам, даже раскаявшимся, вновь водвориться на Святой Горе³⁶.

В первые месяцы после начала, летом 1914 г., Первой мировой войны Вселенский Патриарх занял явно выраженную протурецкую позицию. В этой связи в российской прессе приводился следующий факт: «Греческий патриарх в Константинополе обратился с посланием ко всем греческим митрополитам Турции, в котором предписывает в каждое воскресенье за обедней молиться за здоровье султана и о победе Турции над Россией. Патриарх пожертвовал тысячу пар сапог для турецких солдат»³⁷.

Менее чем через год в ходе переговоров между странами Антанты была достигнута договоренность о передаче России после окончания войны Константинополя. Это соглашение было оформлено памятной запиской британского посла в Петрограде Бьюкенена (от 12 марта 1915 г.) и нотой французского правительства (от 16 апреля 1915 г.). Весной того же года российское Министерство иностранных дел поручило своему чиновнику Георгию Сергеевичу Фонвизину (бывшему посланнику) подготовить записку, которая должна была послужить в качестве необходимой информационно-справочной базы при «определении будущего устройства Святой Земли» и статуса Святых мест Палестины при разделе территории Османской империи, а затем – информационно-аналитическую «Записку о Вселенской Патриархии», которую он закончил 6 (19) октября 1916 г.³⁸

Вторая записка Г.С. Фонвизина заключала в себе ответы на целый ряд важных вопросов, которые поставила война перед Российской империей. Среди них были вопросы о Константинополе, дальнейшей судьбе Вселенского Патриархата после «водворения русской власти» в Царьграде, а также «вопрос об Афоне, ввиду того что он остался вне территориальных границ Турции, будучи оккупирован греческими войсками» в ходе Балканской войны 1912 г. Примечательно, что в афонском вопросе точки зрения российского МИДа и Вселенской Патриархии «если не совсем совпали, то, во всяком случае, оказались весьма близкими, ибо одним

прессы и Государственной думы) // Церковно-исторический вестник. 2004. № 11. С. 140.

³⁴ Утро России. 1913. 21 июля.

³⁵ Троцкий П. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. М., 2009. С. 163–164; Забытые страницы русского имяславия. М., 2001. С. 299–300.

³⁶ Миндлин А.Б. Указ. соч. С. 146–147.

³⁷ Миссионерский сборник. Рязань. 1914. № 12. С. 987.

³⁸ Якушев М.И. Проекты Российской империи относительно судьбы Босфора и Дарданелл, Константинополя и Вселенского Патриархата после победы Антанты в Первой мировой войне. М., 2013. Рукопись. С. 6–7.

из пожеланий, выраженных Россией относительно Святой Горы, было дальнейшее оставление ее под духовным главенством Вселенского Патриарха»³⁹.

В начале записки давалась картина устройства Константинопольской Церкви и ее управления, рассматривались отношения Вселенской Церкви к Греции и к России после Балканских войн, в результате которых Фанар оказался под жестким контролем греческого правительства, а к России стал относиться непорядочно и неискренне. Однако в дальнейшем он стал задумываться над возможностью изменения опоры на Афины в пользу Петрограда. Отказавшись от идеи уничтожения самостоятельности Константинопольской Церкви, автор записки предлагал несколько изменить ее положение и внутреннее устройство. Наиболее подробно Г.С. Фонвизин останавливался на теме развития отношений между русской церковной властью и Вселенским Патриархатом, а также на проблеме отношения Фанара к русской гражданской администрации. Если при османской власти архиереи этого Патриархата отчасти привлекались к гражданскому управлению, то «при русской власти гражданский строй не потребует участия вероисповедных духовных представителей», и «иерархи не будут более отвлекаться от исполнения своих церковных обязанностей». Автор записки рассматривал будущее положение Константинопольской Церкви, ее архиереев и паствы в условиях, когда «при водворении русской власти» константинопольская православная община «не будет иметь основания пользоваться особым положением, выделенным из среды других частей населения»⁴⁰.

Предполагая «в новых условиях» сокращение количества митрополий Константинопольского Патриархата, а также появление на берегах Босфора значительного количества русских людей, для которых понадобятся русские храмы и духовенство, Г.С. Фонвизин рекомендовал ввести в состав Константинопольской Церкви русского архиерея в качестве полноправного члена Синода, предложил выделить ему самостоятельную Дерконскую митрополию, с местопребыванием митрополита на Верхнем Босфоре, вблизи Константинополя.

В заключительной части записки ее автор констатировал, что водворение русской власти в Царьграде восстановит христианский характер «Града Константина и Златоуста на общую радость православного мира», которому должны быть возвращены его святыни, восстановленные в их прежнем величии. В этом деле, по мнению Г.С. Фонвизина, император Николай II явится истинным главой православного мира. Причем российский император мог бы стать почетным ктиторм храма Премудрости Божией, а Вселенский Патриарх – его почетным настоятелем. Святынями, которые подлежали восстановлению на этих основаниях, могли бы быть Святая София и храм Божией Матери во Влахернах, который должны будут воссоздать русские зодчие и который впоследствии мог бы стать подворьем русского архиерея, не нарушая при этом «канонических прав» Константинопольского Патриарха⁴¹. Во вновь превращенной из мечети в православный храм Святой Софии допускалось употребление церковнославянского языка за богослужением.

Эти планы не были утверждены. Через несколько месяцев после составления записки разразилась Февральская революция 1917 г., и все проекты Министерства иностранных дел России решить Восточный вопрос, включая судьбу Константинополя и Вселенского Патриархата, после победного завершения Первой мировой войны так и остались нереализованными.

Между тем важнейшей проблемой, с которой пришлось столкнуться в период Первой мировой войны Патриарху Герману V, стало насильственное перемещение греческого населения из западной части Малой Азии. Эта акция была предложена немецким генералом Лиманом фон Зандерсом, чтобы обеспечить лучшую защиту Дарданелл в случае наступления в этом районе войск стран Антанты, однако для турецких властей уже вскоре главным побудитель-

---

³⁹ Там же. С. 8.

⁴⁰ Якушев М.И. Проекты Российской империи относительно судьбы Босфора... С. 9–10.

⁴¹ Там же. С. 10–11.

ным мотивом стало изменение этнического состава населения побережья Эгейского моря, в котором преобладали греки. В 1915 г. около 774 тысяч греков, среди которых значительную часть составляли люди старше 45 лет, отправили во внутренние области Османской империи (прежде всего Анатолию) для бесплатной работы в составе так называемых трудовых отрядов на шахтах, в карьерах, на строительстве дорог и в полях. К концу 1918 г. 250 тысяч из них погибли из-за тяжелых условий жизни и труда⁴².

В этой связи Константинопольская Патриархия неоднократно посылала свои обращения в Высокую Порту, но безрезультатно. Патриарх Герман V просил греческое правительство при поддержке короля Константина, тесно связанного с Германией, обратиться при немецком посредничестве к турецким властям для решения проблемы депортации. Однако начало боевых действий в районе Дарданелл и отзыв из Константинополя послов стран Антанты сильно затруднили дипломатические маневры со стороны Патриархии. В этой ситуации большинство членов Священного Синода и Смешанного совета выражали недовольство неумелой политикой престарелого Первосвященителя. Характерно, что, когда в октябре 1918 г. был создан Центральный Патриарший комитет помощи перемещенному греческому населению, его возглавил открыто оппозиционный Патриарху Герману V митрополит Эносский Иоаким. В 1918–1919 гг. из депортированных с берегов Эгейского моря 773 915 греков назад вернулось лишь около 10 % – 79 034 человека⁴³.

Осенью 1917 г. Константинопольский Патриарх особыми грамотами приветствовал восстановление в России Патриаршества и лично – избранного Московским Патриархом святителя Тихона (Белавина). В этой связи 21 ноября на Троицком подворье в Москве с приветственной речью выступил в качестве представителя Вселенской Патриархии архимандрит Иаков⁴⁴. В апреле 1918 г. Патриарх Московский и всея России Тихон написал владыке Герману V свое мнение по вопросу о возможности введения нового календарного стиля в богослужебную практику в Церквах Православного Востока и России, а 28 мая отправил Константинопольскому Патриарху послание о начавшихся в стране гонениях на Церковь⁴⁵.

В октябре 1918 г. по благословению Патриарха Германа V митрополит Афинский Мелетий (Метаксакис) посетил США и без согласия канонической власти Российской Православной Церкви в Северной Америке, которую в отсутствие находившегося в Москве архиепископа Алеутского и Североамериканского Евдокима (Мещерского) осуществлял епископ Канадский Александр (Немоловский), учредил в Нью-Йорке Синодальную комиссию во главе с титулярным епископом Родостольским Александром (Димоглу), начавшую объединение греческих приходов в Северной Америке в юрисдикции Элладской Православной Церкви.

Как раз в это время Патриарх Герман V был вынужден удалиться на покой в результате протестов православных греков против его чрезмерно компромиссной политики по отношению к турецким властям. 5 октября 1918 г. во время великого входа при совершении литургии в патриаршем храме раздались крики: «Долой!». Почувствовав себя плохо, Патриарх обратился к народу с просьбой успокоиться и затем обещал через митрополита Прусского уйти в отставку. Это произошло 12/25 октября 1918 г. (владыка Герман поселился в Халкидоне и в декабре 1920 г. скончался, похоронен он был в церкви Пресвятой Троицы в Халкидоне)⁴⁶. В тот же день Местоблюстителем Патриаршего престола с перевесом в один голос был избран

⁴² См.: Runciman S. The Great Church in Captivity: A Study of the Patriarchate of Constantinople from Eve of the Turkish Conquest to the Greek War of Independence. Cambridge, 1968.

⁴³ Нанакис А. Указ. соч. С. 31–32.

⁴⁴ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 58–59, 324.

⁴⁵ Там же. С. 129–133.

⁴⁶ Гердт Л.А. Указ. соч. С. 263.

митрополит Прусский (по другому Прусийский, от г. Пруса – современная Бурса) Дорофей (Маммелис), занимавший эту должность до своей смерти в 1921 г.

В январе 1920 г. Священный Синод Константинопольского Патриархата под его председательством опубликовал окружное послание (энциклику) «К Церквам христианским, во всем мире обретающимся». Изданное в период греко-турецкой войны, послание было ориентировано на православноангликанское сближение. В нем выражалась особая надежда на продуктивный экуменический диалог, имеющий своей целью снятие противоречий в отношениях разрозненных христианских деноминаций для «подготовления и облегчения дела полного, со временем, при помощи Божией, благословенного воссоединения всех Церквей». Одним из средств достижения межхристианского единства энциклика называла «принятие общего календаря ради единовременного празднования великих христианских праздников всеми Церквами». Послание было издано на греческом, английском, французском и русском языках и разослано всем Предстоятелям Поместных Православных Церквей и главам инославных исповеданий⁴⁷

Причина длительного (трехлетнего) вдовства Константинопольской кафедры заключалась в том, что правительство Греции под руководством премьер-министра Елевферия (Элефтериоса) Венизелоса планировало существенное расширение границ страны за счет населенных греками малоазиатских земель Османской империи (т. е. территории древней Византийской империи) и опасалось, что новый, утверждаемый султаном Патриарх может занять протурецкую позицию (в соответствии с выраженной в общих уставах довоенной практикой избрание должен был ратифицировать султан). После подписания в августе 1920 г. Севрского мирного договора и ухода в отставку Е. Венизелоса избранное 1 ноября 1920 г. новое греческое правительство стало меньше ориентироваться на завоевания в Малой Азии и высказало желание вернуть на Патриарший трон Германа V. Однако члены Константинопольского Синода во главе с митрополитом Дорофеем выразили несогласие с новой политикой Греции и не поддержали инициативу по переизбранию владыки Германа, они по-прежнему ориентировались на максимально возможные греческие завоевания в Малой Азии⁴⁸.

Так, в своей записке новому премьер-министру Греции Раллису профессор Афинского университета Христос Андруцос (выпускник Халкинской богословской школы) в конце 1920 г. писал, обличая эти взгляды: «Константинополь страдает синдромом Венизелоса, что легко объяснимо, так как разные люди, по незнанию обстоятельств дела, поставлены на службу иностранным интересам. Со временем положение уладится само собой, когда продвинется вперед решение национальных вопросов. Поэтому я полагаю, что создание какого-либо представительства с целью надзора за происходящим и исправления положения было бы излишним. Достаточно того, чтобы греческие властные кадры следили за течением дел и управляли им. Прочее придет позже»⁴⁹.

Ко времени избрания митрополита Дорофея Местоблюстителем Патриаршего престола Османская империя уже потерпела поражение в Первой мировой войне, Стамбул был занят войсками стран Антанты (в основном английскими) и несколько лет фактически снова назывался Константинополем. Его освобождение вызвало у христианского населения надежды на повторное утверждение православия на берегах Босфора. 21 января 1919 г., находясь под защитой расположенного в городе греко-иритского полка, митрополит Дорофей отменил преподавание турецкого языка в греческих школах города. 16 марта в храмах Константинополя была обнародована прокламация об «Объединении с Грецией», после чего Патриархия и мест-

⁴⁷ Окружное соборное послание Константинопольской Церкви «К Церквам христианским, во всем мире обретающимся» // Вестник РХД. Париж-Нью-Йорк-Москва. 1996. № 173. С. 37–39; *Ветошиков К.* История Константинопольского Патриархата в XX веке: дисс... канд. богословия. Сергиев Посад, 1996. С. 142.

⁴⁸ *Говорун Сергей, свц.* Дорофей (Маммелис), митрополит // Православная энциклопедия. Т. XVI. М., 2007. С. 24–25.

⁴⁹ *Нанакис А.* Указ. соч. С. 33–34.

ные греки, в надежде на поддержку английских войск, отказались признавать султанское правительство. В то время в Константинополе проживало около 150 тысяч православных греков (в настоящее время их осталось только 2 тысячи). После того как греки отвергли участие в ноябрьских выборах, разрыв с турецкими властями оказался полным. Таким образом, Константинопольская Патриархия фактически организовала политический заговор против Османской империи.

Желая получить поддержку всех нетурецких сил в регионе, Патриархия начала активно устанавливать связи с другими конфессиями. Так, в январе 1919 г. в Константинополе была проведена Греко-армянская конференция с целью координирования деятельности этих двух групп населения в городе. 28 марта того же года митрополит Дорофей писал архиепископу Кентерберийскому: «Мы умоляем Вас оказать энергичную поддержку британскому правительству... в его усилиях удалить турок [из Стамбула]. Воскрешение христианства на Ближнем Востоке и восстановление храма Святой Софии не может быть достигнуто никакими иными средствами, кроме этого совершенного и окончательного изгнания»⁵⁰.

Надежды на «установление креста» на куполе главного христианского храма Византийской империи – соборе Святой Софии (используемом в качестве мечети) в то время казались близкими к осуществлению. 20 марта 1919 г. в интервью корреспонденту «Вашингтон пост» глава Элладской Церкви митрополит Мелетий (Метаксакис) «искренне и с энтузиазмом» заявил: «На первую службу в восстановленный храм Святой Софии в Константинополе будут приглашены не только разные представители отдельных православных юрисдикций – Греческой, Русской, Румынской, Сербской, Сирийской, Болгарской и т. д., но также римский епископ [т. е. Папа], различные Восточные Церкви и все протестантские Церкви христианского мира»⁵¹. В этом году греческому полковому священнику даже удалось отслужить первую литию в соборе Святой Софии после 465-летнего перерыва⁵².

Летом 1919 г. митрополит Кесарийский Николай от имени Вселенской Патриархии принял приглашение организационного комитета Всемирного христианского конгресса в рамках движения «Вера и устройство» участвовать на будущий год в его подготовительной встрече (конференции) в Женеве. При этом владыка Николай сказал, что Патриархия «протягивает руку помощи трудящимся на том же поле и в том же винограднике Господнем»⁵³.

В январе 1920 г. митрополит Дорофей в связи с установлением в то время отношений Патриархата с Евангелическо-лютеранской Церковью Швеции и визитами в Константинополь представителей Епископальной Церкви США выпустил окружное послание «Церквам Христа, везде сущим», в котором говорилось: «...необходимо возродить и укрепить любовь между Церквами, которые являются не чуждыми друг к другу, а родными и близкими во Христе, «сонаследниками и сопричастниками обетования Божия во Христе»... «Эти дружба и благорасположение друг ко другу могут, по нашему мнению, проявляться следующим образом: 1) путем принятия единого календаря с одновременным празднованием больших христианских праздников всеми Церквами; 2) путем обмена братскими посланиями в большие праздники церковного года, а также и при других важных обстоятельствах; 3) путем более близких отношений находящихся всюду представителей различных Церквей; 4) путем общения богословских школ и представителей богословской науки и путем обмена публикуемыми в каждой Церкви богословскими трудами и церковной периодикой; 5) путем направления студентов одной Церкви в школы другой; 6) путем созыва всехристианских конференций для изучения вопросов, имеющих общий для всех Церквей интерес; 7) путем беспристрастного и историче-

⁵⁰ Мосс В. Православная Церковь на перепутье (1917–1999). СПб., 2001. С. 82, 86.

⁵¹ The Washington Post. 8.04.1919.

⁵² Греция // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2006. С. 386.

⁵³ Мосс В. Указ. соч. С. 82.

ски обоснованного изучения догматических различий на кафедрах и в публикуемых трудах; 8) путем взаимного уважения к имеющимся в различных Церквях традициям и обычаям; 9) путем взаимного предоставления в пользование молитвенных домов и кладбищ для погребения на чужбине скончавшихся последователей других исповеданий; 10) путем урегулирования между различными исповеданиями вопроса о смешанных браках...»⁵⁴

Местоблюститель Вселенского Патриаршего престола также предлагал создать Лигу Церквей – содружество всех христианских Церквей для взаимной помощи, сотрудничества и достижения единства. Название предлагаемой организации оказалось заимствовано от созданной после окончания Первой мировой войны Лиги Наций, но цели были церковные – благо Церквей и их единства перед лицом внешнего и враждебного мира. Хотя подобное предложение о создании содружества Церквей для совместной деятельности в сфере моральных и социальных проблем современного христианского мира высказали и православные делегаты на Женевской конференции 1920 г., планируемая организация так и не была создана⁵⁵.

На подготовительную встречу Всемирного христианского конгресса в рамках движения «Вера и устройство», состоявшуюся 12–20 августа 1920 г. в Женеве, была направлена Константинопольская делегация во главе с митрополитом Селевкийским Германом (Стринопулос), который 9-12 августа также участвовал в качестве наблюдателя в подготовительной встрече движения «Жизнь и работа». В том же году Вселенский Патриархат впервые направил делегацию на устраиваемую Англиканской Церковью Ламбетскую конференцию в Лондон⁵⁶.

Митрополит Досифей также занимался проблемами беженцев, исламизации православных греков, насилия над ними со стороны турок, призыва греков в турецкую армию. При его поддержке в 1919 г. возник «Священнический союз», призванный способствовать улучшению благосостояния клира и проведению церковных реформ. Печатными органами союза стали журналы «Возрождение (выходил в 1919–1922)» и «Новый пастырь» (1919–1923). Был организован ряд комиссий: по церковным преобразованиям, календарному вопросу, сближению с другими Церквями и др.⁵⁷

Несмотря на сложную внутреннюю ситуацию, Константинопольская Патриархия уже при митрополите Досифее начала вмешиваться в церковные дела на канонической территории Московского Патриархата. Так, в 1919–1920 гг. она вела переговоры о признании автокефалии Украинской Православной Церкви. В период правления на значительной части Украины возглавляемой С. Петлюрой Директории ею был взят курс на достижение автокефалии Православной Церкви на Украине и принят «Закон о верховной власти в Украинской автокефальной православной миротворческой Церкви», основные положения которого предусматривали разрыв с Русской Православной Церковью и усиление роли Украинского государства в религиозных делах. Сразу же после провозглашения 1 января 1919 г. автокефалии режим С. Петлюры предпринял шаги, направленные на придание международной легитимности данному шагу. В этих целях правительство так называемой Украинской народной республики поставило задачу добиться поддержки принятого декрета со стороны Поместных Православных Церквей и в первую очередь Константинопольского Патриархата. В рамках этой политики правительство решило послать в Константинополь специальную миссию во главе с комиссаром Министерства вероисповедания Олексой Потоцким.

Делегация прибыла на берега Босфора в апреле 1919 г. и на начавшихся в июне того же года переговорах информировала Патриархию о состоянии церковных дел на Украине. По словам О. Потоцкого, переговоры показали, что Местоблюститель Патриаршего престола митро-

---

⁵⁴ Православие и экуменизм. Документы и материалы 1902–1998. М., 1999. С. 69–70.

⁵⁵ Там же. С. 76.

⁵⁶ Говорун Сергей, свщ. Указ. соч. С. 25.

⁵⁷ Там же. С. 24–25.

полит Дорофей больше всего опасался, как бы признание Фанаром православной автокефалии на Украине не вызвало репрессий со стороны Российской империи в случае возрождения⁵⁸. Кроме того, в Константинополе в тот период находились некоторые из украинских иерархов Русской Православной Церкви: митрополит Одесский Платон (Рождественский), епископ Чигиринский Никодим (Кротков), митрополит Киевский Антоний (Храповицкий) и архиепископ Волынский Евлогий (Георгиевский) – два последних незадолго до этого были подвергнуты аресту петлюровцами в Киеве и фактически изгнаны с Украины⁵⁹.

По свидетельству О. Потоцкого, эти владыки побывали на аудиенции у митрополита Дорофея и выразили свое разочарование по поводу контактов Фанара с миссией Директории и надежду, что эта ошибка будет исправлена в интересах Православной Церкви. Однако переговоры продолжились, результатом чего стало появление проекта письма Патриархии на имя С. Петлюры, в котором выражалось убеждение, что претензии на признание «автокефалии Украинской Православной Церкви не лишены исторических и канонических оснований». В этом же документе определялись три условия, при которых Константинопольская Патриархия готова была пойти на признание автокефалии: «Святой Синод считал бы, что с его точки зрения не существует препятствий для того, чтобы согласиться с такой определенно обоснованной просьбой, если эта просьба соответствует необходимым каноническим условиям... К таковым относятся: во-первых, независимость страны; во-вторых, обращение украинской власти и Украинской Церкви по этому вопросу в той Церкви, к которой она принадлежала; наличие Вселенского Патриарха, которое необходимо, чтобы принятое в дальнейшем решение носило легитимный характер»⁶⁰. По мнению современной украинской историографии, этот промежуточный вариант письма явился уступкой Фанара аргументации со стороны архиереев Русской Православной Церкви⁶¹.

В ходе продолжавшихся переговоров О. Потоцкому удалось добиться удаления второго пункта из заключительной редакции письма Константинопольской Патриархии. Но и в данном варианте послания от 9 марта 1920 г. сохранилось положение о том, что вакантность Патриаршей кафедры не позволяет Константинополю определиться в вопросе автокефалии Православной Церкви на Украине. Кроме того, судьба режима Петлюры весной 1920 г. была практически предрешена: большая часть Украины находилась под контролем Красной армии, а Западная Украина оказалась занята Польшей, что, несомненно, учитывал Фанар, не желая связывать себя далеко идущими обязательствами перед украинской стороной⁶².

После завершения переговоров в марте 1920 г. О. Потоцкий отбыл из Константинополя, оставив послом при Патриаршем престоле князя И. Токаржевского-Карашевича, принявшего весной 1921 г. от Вселенской Патриархии грамоту, в которой содержалось благословение находившимся к тому времени в эмиграции «главе Украинского государства, правительства и Украинской Православной Церкви». Украинская эмигрантская историография расценивала формулировки послания как определенный шаг Патриархии в направлении признания автокефалии Православной Церкви на Украине⁶³.

В июле 1920 г. в Константинополь приехал представитель правительства Польши Иодко с целью выяснения вопроса о возможном переходе Польской

⁵⁸ Милякова Л.Б. Вопрос о признании автокефалии Православной Церкви на Украине Константинопольским Патриархатом в период С. Петлюры // XVI ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: материалы. Т. 1. М., 2006. С. 114–115.

⁵⁹ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 291–317.

⁶⁰ Милякова Л.Б. Указ. соч. С. 116.

⁶¹ Андрусих Б. Церква в Українській державі. 1917–1920. Київ, 1997. С. 58.

⁶² Милякова Л.Б. Указ. соч. С. 116.

⁶³ Хома Л. Апостольський Престил і Україна. 1919–1932. Рим, 1987. С. 67.

Православной Церкви из юрисдикции Московского Патриархата в юрисдикцию Константинопольского. Согласно сообщению российского посланника в Константинополе А. А. Нератова начальнику Управления иностранных дел Г.К. Трубецкому, греческие иерархи в принципе были готовы к положительному решению вопроса. В качестве прецедента Вселенская Патриархия хотела использовать пример Галиции, где православные общины с начала XX в. теоретически возглавлял Константинопольский Патриарх в лице своего экзарха – митрополита Антония (Храповицкого). В своем письме А.А. Нератов также отмечал, что в результате временных поражений турок шовинизм греков резко вырос. Вселенская Патриархия проявляла отчуждение по отношению к турецким властям, а в некоторых константинопольских церквях открыто поминали греческого короля Александра⁶⁴.

Против планируемой акции активно выступило Высшее церковное управление на юго-востоке России. Пребывавший в Константинополе архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский) постарался выяснить точку зрения греческих иерархов и заявить им «о неизбежности взаимоотношений между Патриархом Тихоном и польскими архиереями». Владыка Анастасий позднее сообщал, что к его расспросам греки отнеслись сдержанно, хотя и заявили, что «ему нет оснований беспокоиться о каких-либо решениях, неприемлемых для России», тем более что советско-польская война еще не закончилась. В результате вопрос был временно закрыт⁶⁵. При этом митрополит Дорофей благожелательно принял прибывшее с войсками Врангеля в ноябре 1920 г. в Константинополь российское духовенство и фактически санкционировал деятельность Высшего Русского Церковного Управления за границей на территории Вселенского Патриархата.

Согласно Севрскому мирному договору, заключенному в августе 1920 г. между странами Антанты и Османской империей, Константинополь был объявлен вольным городом под международным контролем. В марте 1921 г. делегация Константинопольской Патриархии во главе с митрополитом Дорофеем отправилась в Лондон для участия в международной мирной конференции, на которой обсуждалась судьба Османской империи. Здесь владыка Дорофей встретился с министром иностранных дел Великобритании лордом Керзоном, королем Георгом V и архиепископом Кентерберийским, но 19 марта внезапно скончался в результате заболевания дыхательных путей, давшего осложнение на сердце, – как раз в тот момент, когда должен он был получить почетный титул вице-президента Всемирного Конгресса за дружбу во всем мире через Церкви⁶⁶. С 21 марта Местоблюстителем Константинопольского Патриаршего престола около восьми месяцев был митрополит Кесарийский Николай. Следует отметить, что в августе 1921 г. международный Севрский договор оставил туркам контроль над Константинополем, хотя и защитил права религиозных и национальных меньшинств.

25 ноября / 8 декабря 1921 г. Вселенским Патриархом вопреки большинству архиерейских голосов, полученных митрополитом Амасийским Германосом (Караванзелисом), стал бывший глава Элладской Церкви архиепископ Мелетий (в миру Эммануил Метаксакис) – активный сторонник антитурецкого политического курса своего дяди премьер-министра Греции Е. Венизелоса, борец за идеи панэллинизма, энергичный модернист и реформатор Церкви. Он родился 21 сентября 1871 г. в с. Парсас на Крите, в 1889 г. поступил в семинарию Святого Креста в Иерусалиме, в 1892 г. был пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона. После окончания семинарии, в 1900–1908 гг., о. Мелетий служил секретарем Священного Синода Иерусалимской Церкви, но в 1908 г. Патриарх Дамиан изгнал его со Святой Земли за «деятельность против Святого Гроба». В 1910 г. владыка Мелетий был хиротонисан

⁶⁴ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 годы: Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011. С. 59.

⁶⁵ Там же. С. 60; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 3696, оп. 1, д. 2, л. 106–106 об.

⁶⁶ Мосс В. Указ. соч. С. 87.

во епископа и назначен митрополитом Китийским (на Кипре), в 1916 г. переехал в Грецию и в феврале 1918 г. был избран митрополитом Афинским – Первоиерархом Элладской Церкви, однако пробыл на этом посту недолго. 17 ноября 1920 г. он был низложен «за неканонические деяния», фактически низведен до положения простого монаха и заключен в монастыре святого Дионисия Строфадского на о. Закинфе, откуда в феврале 1921 г. уехал в Америку. Оказавшись в США, изгнанный митрополит активно занялся организацией греческой архиепископии Северной и Южной Америки, которая была провозглашена 15 сентября 1921 г., включив в свой состав около 130 приходов. Всю свою жизнь владыка Мелетий являлся пламенным борцом за политические идеи панэллинизма, энергичным модернистом и реформатором Церкви⁶⁷.

Митрополит Германос так вспоминал о приходе митрополита Мелетия на Константинопольский престол: «Мое избрание в 1921 г. на Вселенский престол было несомненным. Из 17 голосов 16 было подано за меня. Тогда один из моих мирских друзей предложил мне 10 000 лир, если я откажусь от избрания в пользу Мелетия Метаксакиса. Естественно, я отверг это предложение с негодованием и отвращением. Однако ночью перед выборами меня неожиданно посетила делегация из трех человек, членов “Лиги национальной обороны”. Они стали горячо убеждать меня снять свою кандидатуру в пользу Мелетия Метаксакиса. Члены делегации сказали, что Мелетий имеет возможность внести 100 000 долларов на нужды Патриархии и, состоя в весьма дружеских отношениях с протестантскими епископами в Англии и Америке, может быть полезен в международных делах. Поэтому национальные интересы требуют, чтобы Патриархом был избран Мелетий Метаксакис. Таково было и желание Елевферия Венизелоса. Я продумал над этим предложением всю ночь. В Патриархии царил экономический хаос. Афинское правительство перестало посылать субсидии, а других доходов не было. Регулярное жалование не выдавали уже в течение девяти месяцев. Благотворительные организации Патриархии находились в критическом материальном положении. По этим причинам и ради блага народа я принял это предложение...»⁶⁸.

После отказа митрополита Германоса, 6 декабря 1921 г. было принято предложение Константинопольского Синода отложить избрание Патриарха. Однако вскоре архиереев, голосовавших за то, чтобы перенести выборы, заменили другими, и два дня спустя – 8 декабря, владыка Мелетий все-таки был избран, получив 16 голосов из 18. Одной из наиболее влиятельных поддержавших его сил была созданная в конце 1920 г. в Константинополе греческими офицерами организация «Амина» («Оборона»), выступавшая за независимость греческой части Малой Азии. В донесении, посланном из Константинополя в Афины сразу после выборов комиссаром Воцисом, говорилось, что «Оборона», приняв решение остановиться на кандидатуре митрополита Мелетия, сохраняла, однако, «строжайшую секретность, опасаясь вызвать недовольство и потерять поддержку иерархов, голосовавших за наиболее вероятного кандидата». Значительное влияние на исход выборов оказала телеграмма от Е. Венизелоса, подписанная, правда, лишь его секретарем. Избранию не помешали ни отсутствие на телеграмме подписи премьер-министра Греции, ни возражение, высказанное судовладельцем Кириакидесом на собрании избирателей накануне выборов, что «пребывание на Патриаршем престоле человека, глубоко преданного Венизелосу, неизбежно приведет нацию к решительному разделению»⁶⁹.

Новый Патриарх Мелетий IV, после прощального богослужения в нью-йоркском соборе святого Елевферия, выехал в Европу. Перед выездом, 22 декабря, он встретился с американским президентом Хардингом и ходатайствовал о защите проживавших в бывшей Османской

⁶⁷ Мосс В. Указ. соч. С. 87. С. 92; Срболоб Милетич, свец. Мелетий (Метаксакис): митрополит, архиепископ, Папа и Патриарх // URL: <http://www.pravoslavie.ru>

⁶⁸ Мосс В. Указ. соч. С. 92–93; Delimbasis A.D. Pascha of the Lord, Creation, Renewal, and Apostasy. Athens, 1985. P. 662.

⁶⁹ Нанакис А. Указ. соч. С. 35–36.

империи греков от притеснений турок, а по пути из Америки в Константинополь посетил Лондон и Париж, где встретился с премьер-министрами Великобритании и Франции Ллойд-Джоржем и Пуанкаре с целью получить их поддержку для создания Греческого королевства в западной части Малой Азии. В январе 1922 г. Патриарх Мелетий IV прибыл в еще занимаемый войсками Антанты Стамбул на корабле под византийским желтым флагом с черным орлом. Турецкое правительство опротестовало это избрание⁷⁰.

30 декабря 1921 г. большинство архиереев Константинопольского Патриархата (7 из 12 членов Священного Синода и около 60 епископов из новых областей Греции) под председательством митрополита Кизического Константина собрались в Салониках, где объявили о том, что «выбор Метаксакиса проведен при явном нарушении священных канонов», и предложили осуществить «действительный и канонический выбор Константинопольского Патриарха»⁷¹.

Они известили об этом решении остальных восточных Патриархов (Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского), которые поддержали его. Два члена Синода 25 декабря встретились в Афинах с тогдашним премьер-министром Греции Гунарисом, предупредив его об опасностях, угрожавших в связи с избранием митрополита Мелетия. Но, несмотря на непризнание других Первосвятителей, владыка Мелетий все-таки стал Вселенским Патриархом. В своем слове при интронизации 22 января 1922 г. он так выразил путь своей дальнейшей деятельности: «Я отдаю себя на служение Церкви, чтобы с ее первого престола способствовать развитию, насколько возможно, более тесных дружеских отношений с неправославными христианскими Церквями Востока и Запада, для продвижения дела объединения между теми и другими»⁷².

Свою первосвятительскую деятельность Патриарх Мелетий начал с попыток значительно расширить сферу влияния Константинопольского Патриархата. В конце 1921 г., используя тяжелое положение Русской Православной Церкви, он предоставил Священному Синоду Элладской Церкви «право» принять в свою юрисдикцию ранее находившиеся в ведении Московского Патриархата греческие приходы в Северной Америке, без согласия их священноначалия. Но уже вскоре, – указом от 14 марта 1922 г., Патриарх Мелетий без всякого согласования с Элладской Церковью перевел греческую архиепископию Америки в свою юрисдикцию (впоследствии из Североамериканской русской епархии выделились и другие нерусские приходы, образуя епархии в составе Православных Церквей своих национальностей). 11 мая 1922 г. во главе греческой архиепископии был поставлен бывший епископ Родостольский Александр (Димоглу), управлявший ею до 1930 г.⁷³

30 мая 1922 г. был опубликован Патриарший Томос об официальном открытии архиепископии Северной и Южной Америки с центром в Нью-Йорке. 11 августа того же года в Нью-Йорке на II Соборе духовенства и мирян греческой архиепископии в Америке был разработан новый устав, предоставлявший ей административную автономию. Учреждались три новые епархии – Сан-Францисская, Чикагская и Бостонская, архиереи которых вместе с архиепископом Нью-Йоркским и Американским должны были составить Архиерейский Синод. Согласно новому уставу, Собору духовенства и мирян принадлежало право избирать трех кандидатов на вдовствующие кафедры, Архиерейский Синод выбирал из них одного, и Патриарх утверждал кандидата; только архиепископ Нью-Йоркский должен был выбираться и поставляться Патриархом. Владыка Мелетий утвердил этот устав, но просуществовал он не слишком долго⁷⁴.

⁷⁰ Там же. С. 36–37.

⁷¹ Димитрий Успенский, *свщ.* Знамение над Афинами // Старый стиль лучше новых двух. Что такое календарная реформа. М., 2004. С. 134.

⁷² New York Times. 1.01.1922.

⁷³ Троцкий С. Црквена јурисдикција над православном диаспором. Сремски Карловци, 1932. С. 5.

⁷⁴ Греческая Церковь в Америке // Церковные ведомости. 1923. № 19/20. С. 16.

Наряду с переводом в свою юрисдикцию греческой архиепископии Америки и других общин греческой диаспоры (переданных Патриархом Иоакимом III, согласно Томосу от 2 марта 1908 г., под управление Элладской Церкви) Константинопольский Священный Синод 1 марта 1922 г. принял решение «об обязательном и исключительном подчинении» ему всей диаспоры православного рассеяния и всех православных приходов и епархий, находящихся вне границ государств, в пределах которых пребывают Поместные Православные Церкви (что особенно негативно сказалось на положении приходов Русской Православной Церкви за пределами СССР)⁷⁵. Эти действия основывались на неверном толковании 28-го канона IV (Халкидонского) Вселенского Собора, якобы дающего Константинополю право на принятие под свою юрисдикцию всех «варварских стран». Так возникло не существовавшее раньше учение об особых юрисдикционных правах Константинопольского Патриарха, якобы распространявшихся не только на греческую, но и вообще на всю православную диаспору в мире.

Подобные идеи владыка Мелетий вынашивал еще до своего избрания Патриархом. Весной 1921 г. в США он их высказал сербскому епископу Николаю (Велимировичу). В своем отчете Священному Архиерейскому Собору Сербской Церкви от 26 июня 1921 г. епископ Николай сообщает об этом следующее: «Позицию греков мне лучше всего объяснили митрополит Афинский Мелетий (Метаксакис), находящийся сейчас в изгнании в Америке... Митрополит Мелетий считает, что по каноническим правилам верховный надзор над Церковью в Америке должен принадлежать патриарху Константинопольскому. Он апеллирует к канону 28 IV Вселенского Собора, согласно которому все церкви в странах “варварских” принадлежат юрисдикции Патриарха в Константинополе. Эта юрисдикция, по его мнению, была бы скорее почетной, а реальнее проявлялась бы только в случаях апелляции одной из недовольных сторон»⁷⁶.

До этого никто не толковал подобным расширительным образом 28-й канон IV Вселенского Собора. И ни один Константинопольский Патриарх до владыки Мелетия не пытался заменить первенство чести первенством власти или подменить соборность Церкви тезисом о верховном суде Константинополя в случаях обращения одной недовольной стороны в церковном споре. Как справедливо отмечал сербский священник Срблюб Милетич, впервые в истории Патриарх пытался повести Константинопольскую Церковь в абсолютно неканоничный и скандальный административный завоевательный поход в чужие страны и на чужую паству⁷⁷.

5 апреля 1922 г. Патриарх Мелетий учредил Фиатирскую митрополию с центром в Лондоне, во главе которой поставил сторонника своих реформ митрополита Германа (Стринопулоса) с титулом экзарха Западной и Центральной Европы (в то время в Великобритании было только 4 греческих общины, которые ранее окормляла Элладская Церковь). Этому экзарху должно было подчиниться все православное население данного региона независимо от национальности, и вскоре Константинопольская Патриархия начала оспаривать канонические права митрополита Евлогия (Георгиевского) управлять русскими приходами в Западной Европе⁷⁸.

В апреле 1922 г. Патриарх Мелетий также обратился к архиепископу Алеутскому и Североамериканскому Александру (Немоловскому) и другим архиереям Русской Православной Церкви в Северной Америке с предложением о переходе в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Архипастыри рассмотрели это обращение на конференции 7 мая и решительно отвергли его. Вскоре, 11 мая, Патриарх Мелетий назначил греческого архиепископа Родостолонского Александра своим экзархом в Северной и Южной Америке. На турецких и грече-

⁷⁵ Владислав Цытин, *прот.* История Русской Церкви 1917–1997. М., 1997. С. 572; *Троицкий С.В.* О границах распространения права власти Константинопольского Патриарха на «Диаспору» // Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1947. № 11. С. 34.

⁷⁶ Никола) Велимирович, *еп.* Сабрана дела. Кш. 10. Хилместир, 1983. С. 467.

⁷⁷ Срблюб Милетич, *свиц.* Указ. соч.

⁷⁸ Троицки С. Указ. соч. С. 5.

ских землях были созданы четыре новые епархии: Бриульская, Пергамская, Мосхонисийская и Александрупольская, а три старые – Меленикосская, Боденская и Могленская – переименованы соответственно в Сидирокастрскую, Эдесскую и Флоринскую.

Кроме того, новый Патриарх значительно укрепил (теперь уже в новом качестве) свои и прежде тесные связи с англиканами. Так, 17 декабря 1921 г. греческий посол в Вашингтоне известил префектуру в Салониках, что владыка Мелетий «в облачении принял участие в англиканском богослужении, кланялся с англиканцами на молитве, целовал их престол, проповедовал и позднее благословил присутствовавших»⁷⁹. 28 июля 1922 г., по настоянию Мелетия IV, Константинопольский Синод создал комиссию по изучению вопроса законности англиканских епископских хиротоний. Заслушав доклад комиссии, Священный Синод принял положительное решение: «Православные богословы, которые научно изучили этот вопрос, единогласно заключили, что англиканские рукоположения вполне законные... церковная практика не дает никакого повода заключить, что Православная Церковь когда-либо официально ставила под сомнение законность англиканских рукоположений, и предписывала бы перерукополагать англиканское духовенство»⁸⁰.

Тем временем военная ситуация для Греции, которая с 1919 г. вела тяжелую войну с новым, возникшим на обломках Османской империи турецким государством (получавшим большую военную помощь от советской России), резко изменилась в худшую сторону. В сентябре 1921 г. наступавшая в Анатолии греческая армия была остановлена у реки Сакария, а в августе 1922 г. она потерпела полное поражение, что обернулось настоящей катастрофой для проживавших в Малой Азии греков. Так, например, случилось, когда 9 сентября 1922 г. турецкие войска после жестокого боя заняли г. Измир (Смирну). В городе в то время проживало около 400 тысяч греков, многие из которых были беженцами. По свидетельству американского консула в Измире Джорджа Хортона, священномученику митрополиту Смирнскому Хризостому (Калафатису) «было предложено убежище во французском консульстве и эскорт морских десантников, но он отказался, сказав, что его обязанность оставаться со своей паствой. Озверелые турки били святителя, выкололи ему глаза, таскали за бороду по улице, отрубили благословляющую их руку и, наконец, застрелили. Началось жестокое избиение греческого, армянского и вообще христианского населения города, муки и насилия над христианами продолжались несколько дней. Весь греческий и армянский район были сожжены». Всего в результате репрессий в городе погибло около 250 тысяч христиан. Свидетелями этого избиения были команды примерно 40 кораблей стран Антанты и береговой патруль французской, английской и американских армий⁸¹. К 18 сентября 1922 г. греческая армия полностью ушла с территории Турции.

Вместе с их паствой в Малой Азии трагически погибли, помимо владыки Хризостома, митрополиты Кидонийский Григорий (Орологас), Мосхонисийский Амвросий (Плианфидис) и много других иерархов и клириков. Одним из народных греческих героев, в частности, является помощник митрополита Амасийского епископ Зильский Евфимий (Агрителлис). 21 января 1921 г. он вместе с другими известными православными жителями Амасьи был арестован турецкими властями и посажен в тюрьму. На Пасху, 18 апреля, епископ Евфимий, несмотря на усиленную охрану, смог войти в камеры, где в одиночном заключении содержались его соотечественники, утешил и ободрил их. 29 мая, на 41-й день одиночного заключения, истощенный тяготами, лишениями и пытками, владыка скончался. Приказ о его казни пришел из Ангоры (ныне Анкара) уже после смерти епископа.

---

⁷⁹ Delimbasis A.D. Opt. cip. P. 661.

⁸⁰ Project Canterbury, Anglicanism and Orthodoxy.

⁸¹ См.: Dobkin M. Smyrna 1922: the Destruction of a City. New York, 1971.

Подавляющее большинство православных монастырей и храмов было разрушено и разграблено. От жестоких репрессий с территории Турции в Грецию бежали около полутора миллионов человек. Греческая община – примерно 125 тысяч человек – сохранилась только в Константинополе, да и то благодаря защите стран Антанты⁸². В августе-сентябре 1922 г., опасаясь повторения Смирненской резни, начали покидать город по три тысячи человек в день, и оставшихся жителей спасли, прежде всего, английские военные части.

Поражение Греции стало причиной тяжелых испытаний и для Константинопольского Патриархата. После окончания войны он потерял все 30 своих епархий в Малой Азии. Из тех же 54 епархий Патриархата, которые были расположены в Европе, после Балканских и Первой мировой войн 49 вошли в состав других Православных Церквей, прежде всего Элладской. Таким образом, из существовавших в начале XX в. 84 епархий Вселенского Патриархата в его юрисдикции на территории Турции осталось только пять: Константинопольская, Деркосская, Халкидонская, Принкипоская и Имбро-Тенедосская (т. е. фактически Стамбул и окрестности)⁸³. В этих епархиях находилось десять монастырей и несколько духовных школ, наиболее известной из которых была школа (богословское училище) на острове Халки, вблизи Стамбула. Кроме того, в юрисдикции Вселенского Патриарха остались пять епархий на островах расположенного в Эгейском море Додеканесского архипелага, принадлежавших до 1945 г. Италии: Родосская, Косская, Леросско-Калимносско-Астипалейская и Карпафоско-Касосская.

Одновременно встал вопрос о самом пребывании Константинопольской Патриархии на территории Турции. Власти этой страны отказывались признать Патриархом Мелетия, так как он не был турецким гражданином и, соответственно, не подлежал избранию, согласно указу султана Османской империи от 1856 г. При этом сам Патриарх Мелетий IV заявлял, что он не признает подобные указы обязательными, так как они исходили от мусульманских завоевателей⁸⁴.

15 сентября 1922 г. митрополит Конийский Прокопий, которому подчинялись все приходы Анатолии, и еще два епископа и два священника отделились от Константинопольского Патриархата и создали свой Синод Турецкой Православной Церкви (в то время в Анатолии жило около 50 тысяч караманлидов – туркоязычных или двуязычных православных греков). Фактическим лидером движения сепаратистов стал туркоязычный священник из г. Кескина в Анатолии «Папа» Евтим (Эфтимийос Каракиссаридис). Он выступал за мирное сосуществование христиан и мусульман и последующее отуречивание православных. Члены нового Синода пользовались активной поддержкой правительства Мустафы Кемаля, в связи с чем Патриарх Мелетий счел неуместным подвергать их прещениям. Он предложил создать находящуюся в подчинении Вселенскому Патриархату автономную Турецкую Церковь, в которой обещал ввести в богослужение турецкий язык, но получил отказ. Весной 1923 г. член раскольнического Синода священник «Папа» Евтим при содействии турецкого правительства захватил храм Панагии Кафатиани в Стамбуле. В начале июня староста этого храма Дамианос Дамианидес организовал группу, которая ворвалась в здание Патриархии и потребовала немедленного отречения Мелетия IV. В ответ на эти действия Патриарх все-таки отлучил зачинщиков акции от Церкви. Указанное движение продержалось до начала 1930-х гг., прекратив существование после массового переселения православного населения из Анатолии⁸⁵.

В октябре 1922 г. Патриарх Мелетий в интервью итальянской газете «Ориенто Модерно» отметил, что если Патриархат не сможет свободно функционировать в Турции, его придется

⁸² Греция. С. 386.

⁸³ Bundesarchiv Berlin (BA), R 5101/23173. Bl. 41.

⁸⁴ Мосс В. Указ. соч. С. 94.

⁸⁵ Нанакис А. Указ. соч. С. 38–39; Ergene T. Istikl harbinde Trk ortadokslari (The Turkish Orthodox in the War of Independence). Istanbul, 1951. P. 25–26.

перевести на Святую Гору Афон. В том же месяце Священный Синод дважды обсуждал вопрос о перемещении Патриархата за пределы Турции, но решения не было принято⁸⁶.

4 января 1923 г. турецкая делегация официально потребовала от членов Лозаннской международной конференции перевести Константинопольскую Патриархию за пределы Турции (на Афон) ввиду ее враждебного отношения к турецкому правительству во время прошедшей войны. В противном случае турки угрожали депортацией всех греков из Стамбула. Председатель подкомиссии по обмену населением между Грецией и Турцией итальянец Г.М. Монтана предположил, что «удаление Патриарха будет не слишком высокой платой за достижение согласия». Однако представители правительств Великобритании, Франции и США воспротивились, усмотрев в этом предложении влияние Ватикана. Французская делегация предложила компромиссное решение – оставить Патриархию в Стамбуле, но лишить ее политической власти, которую она ранее имела. Греческая делегация поддержала предложение французов⁸⁷.

В тот же день – 4 января свое обращение в защиту Константинопольского Патриархата к президенту Лозаннской конференции направил Синод русских архиереев за границей: «Мы применяем это выражение [наша апостольская вера] к судьбе Константинопольского престола, потому что в соответствии с учением Церкви Христовой, выраженном в решениях семи Вселенских Соборов, признанных как православными, так и римо-католиками, Константинопольский престол – не просто одна из церковных областей, подобная прочим; он считается неотъемлемой частью Православной Церкви, распространенной по всей вселенной... Особенно важно отметить тот факт, что только за ним одним признается право принимать прошения с жалобами епископов, почитающих себя обиженными Поместными соборами. В этом последнем смысле Патриарх Константинопольский предстает перед православными всех стран в качестве верховного судьи»⁸⁸.

Чтобы придать дополнительный вес своей просьбе, Синод называл себя Высшей церковной властью: «Узнав о том, что Константинопольская Патриаршая кафедра подвергается опасности быть удаленной из сего священного для всех христиан града, Русский Заграничный Архиерейский Синод, являющийся Высшею церковною властью как для трехмиллионной русской эмиграции, так и для епископий Православной Церкви в Америке, Японии, Китае и Финляндии, то есть целых 15 епархий с русской и иноплеменной паствой, присоединяет свой протест к голосам других Автокефальных Церквей, заявивших о совершенной незаконности такого насилия над нашей Апостольской верой». Архиерейский Синод также заявлял, что «сие деяние» явилось бы «глубоким оскорблением и поражением всей Православной Церкви, и в частности Церкви Российской, которая издревле привыкла обращаться к Вселенскому Патриарху за разъяснением религиозно-церковных вопросов, а славнейший ея Иерарх, Патриарх Московский и всея России Никон, согласно канону IV Вселенского Собора, обращался в Константинополь с апелляцией на Собор русских епископов». В заключение Синод призывал заступиться за «наш и всех православных христиан персональный авторитет» – Патриарха Константинопольского⁸⁹.

10 января 1923 г. председатель военно-территориальной комиссии Лозаннской конференции лорд Керзон, заручившись поддержкой ряда православных государств, в ответ на требования турецкой делегации заявил, что удаление Патриархии из Стамбула будет шоком для совести всего цивилизованного мира. Греческий премьер-министр Е. Венизелос предложил турецкой делегации учесть заявление Керзона, обещая в свою очередь приложить усилия к

⁸⁶ *Oriente Moderno (Rome)*. 15.11.1922. P. 382–383.

⁸⁷ Мосс В. Указ. соч. С. 101; Great Britain, Parliamentary Papers, Lausanne Conference on Near Eastern Affairs, 1922–1923, Records of Proceedings and Draft Terms of Peace, Turkey. 1923. № 1. Cmd 1814. P. 336.

⁸⁸ Обращение к Президенту Лозаннской конференции // Церковные ведомости. 1923. № 1–2. С. 1–2.

⁸⁹ Там же.

удалению с Константинопольского престола Патриарха Мелетия, испортившего в глазах турок свою репутацию поддержкой греческой партии. В результате глава турецкой делегации паша Исет Инону согласился сохранить Патриарший престол в Стамбуле, если Константинопольская Патриархия прекратит всякую политическую деятельность и Патриарх Мелетий будет удален (последний под влиянием Венизелоса выразил согласие, но настаивал на отсрочке своего ухода до достижения мирных соглашений)⁹⁰.

Даже в этих тяжелых условиях Патриарх Мелетий IV продолжал свою реформаторскую и захватническую деятельность. Весной 1922 г. он обратился к главе автономной Финляндской Православной Церкви Московского Патриархата архиепископу Серафиму (Лукиянову) с предложением рукоположить вдового эстонского протоиерея модернистской направленности Германа Аава в викарные епископы и принять автокефалию от Константинополя. Архиепископ Серафим ответил отказом. Тем не менее о. Герман Аав под давлением финляндских властей 17 июня был избран викарием, а 8 июля 1922 г., несмотря на протест правящего архиерея, без предварительного монашеского пострига (и, как утверждал митрополит Антоний (Храповицкий), без облечения в рясофор, чего требовал Устав Русской Православной Церкви) хиротонисан в Константинополе Патриархом Мелетием во епископа Сортавальского⁹¹. 6 июня 1923 г. Финляндская Православная Церковь, в нарушение канонов, была принята в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, при этом ей предоставили автономию, хотя Церковь уже пользовалась ею с 11 февраля 1921 г. в соответствии с решением Московской Патриархии.

Надеясь помешать действиям финляндских властей, архиепископ Серафим (Лукиянов) писал Константинопольскому Патриарху: «Если они увидят, что зависимость им неприятна и неудобна, то они не замедлят отойти и от этой Церкви и вместе с “братской” Эстонской Церковью образуют самочинную автокефалию... Каноническая связь с Константинопольской Церковью им нужна только как средство отторжения от Русской Церкви и достижения полной свободы, когда они никем и ничем не будут стеснены, когда порвут всякое духовное единство со всеми другими Церквями и объявят свои каноны в духе “Живой Церкви”». В другом письме архиепископ убеждал Патриарха Мелетия, что соборы Финляндской Православной Церкви мнения всего православного населения страны не отражают, так как русский клир по закону 1918 г., не имея прав гражданства, не имеет и права голоса; автокефалия невозможна в Церкви с двумя епископскими кафедрами, а Герман Аав при встрече произвел на архиепископа тягостное впечатление, о канонах Православной Церкви говорил как об отживших свой век, был женат два раза и имел 11 детей, из которых шестеро малолетних. Герман Аав нужен правительству и Церковному управлению, убеждал владыка Патриарха Мелетия, для устранения его, архиепископа Серафима, чтобы «беспрепятственно вести Финляндскую Церковь на слияние с лютеранством»⁹². Мнение правящего архиерея не было учтено ни в Финляндии, ни в Константинополе. Патриарх Мелетий признал «доводы архиепископа Серафима лишенными канонического основания, и его протест против хиротонии законно избранного кандидата – незаконным»⁹³.

Вопреки распоряжению Вселенского Патриарха, высказанном в письме на имя архиепископа Серафима от 9 июля 1923 г. – неукоснительно поминать за богослужением имя Патриарха Тихона после имени Константинопольского Патриарха, – и данному финляндской делегацией обещанию соблюдать это правило, епископ Герман прекратил возгласение имени Московского Патриарха⁹⁴. В том же году против независимости Финляндской Церкви от Мос-

⁹⁰ Мосс В. Указ. соч. С. 101.

⁹¹ Харитон Валаамский, игум. К истории введения нового стиля на Валааме. Б/м, 1927. С. 115.

⁹² Шевченко Т.И. Валаамский монастырь в общественно-церковной жизни Финляндии (1917–1957). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2010. С. 106–107.

⁹³ Утренняя заря. 1938. № 12. С. 103.

⁹⁴ Шевченко Т.И. Указ. соч. С. 108–109.

ковского Патриархата безрезультатно высказался Архиерейский Собор Зарубежной Русской Церкви⁹⁵.

В начале 1923 г. Патриарх Мелетий IV попытался убедить управляющего приходами Русской Православной Церкви в Западной Европе митрополита Евлогия (Георгиевского), подведомственный ему клир и паству перейти в юрисдикцию Константинопольского Патриархата в подчинение митрополита Фиатирского Германа, экзарха Западной и Центральной Европы. В ответном письме от 28 марта 1923 г. владыка Евлогий отклонил это предложение.

2 марта 1923 г. Константинопольский Патриарх и Священный Синод издали Томос «О создании Православной Архиепископии в Чехословацкой Республике», предоставив Чешской Православной Церкви (которая находилась в подчинении Сербского Патриархата) автономию в рамках своей юрисдикции. Через два дня, 4 марта, Патриарх Мелетий IV хиротонисал чешского архимандрита Савватия (Врабца) во епископа и удостоил его титула архиепископа Пражского и всея Чехословакии⁹⁶.

В письме Константинопольскому Патриарху от 25 марта митрополит Евлогий приветствовал создание Пражской архиепископии, но просил предоставить управляемым им в Чехословакии русским храмам статус подворий (метохов) Московского Патриархата. Однако в ответном письме Патриарх Мелетий от 27 апреля 1923 г. ответил отказом, по его мнению, русские эмигранты в Чехословакии должны были подчиниться архиепископу Савватию, кроме того, ставился вопрос о законности полномочий митрополита Евлогия: «Ваша епископская власть, поскольку она распространена за границей, не устоит, будучи исследована в соответствии со святыми канонами. Поскольку территория Европы, находящаяся за пределами автокефальных Церквей, границы которых были установлены при их создании, состоит в подчинении Константинопольского Патриаршего Престола в соответствии с 28-м правилом IV Собора, поэтому была создана святая митрополия Фиатирская и Экзархат Западной и Средней Европы с центром в Лондоне, и ныне в ней поставлен канонический архиерей – преосвященный митрополит Фиатирский Герман. Поэтому необходимо вполне определенно признать, сколь важна каноническая необходимость и как велика польза во всех отношениях вообще и в частности, чтобы все отдельные национальные общины в Европе согласовали с этим свое собственное церковное руководство»⁹⁷.

7 июля 1923 г. Патриарх Мелетий вручил в Константинополе архиепископу Таллинскому и Эстонскому Александру (Паулусу) Томос о принятии Православной Церкви Эстонии в юрисдикцию Константинопольского Патриархата в качестве отдельного автономного церковного округа «Эстонская православная митрополия»; архиепископ Александр был возведен в сан митрополита Таллинского и всей Эстонии. Московская Патриархия не признала этот канонически неправомерный переход. Финляндскому сенатору Э. Сетеля, используя дипломатические связи в Швеции, удалось повлиять на турецкое правительство, чтобы отложить изгнание Патриарха Мелетия, назначенное на 3 июля 1923 г., ради «решения» вопроса об устройстве дел в Финляндской и Эстонской Церквях⁹⁸.

В письме от 24 августа 1923 г. Патриарху Тихону митрополит Антоний (Храповицкий) так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «В текущем же году необходимость существования Высшей церковной власти за границей еще более стала ощутительна, так как некоторые автокефальные Церкви стали простираť свои права на Русские Православные Церкви и имущества их, так, Вселенский Патриарх на Польшу, Эстонию, Латвию и Финляндию и даже на Китайскую Духовную миссию, Иерусалимский – на нашу Миссию и имущество Палестин-

⁹⁵ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 2, л. 21 об.

⁹⁶ Бурега В.В. Взаимоотношения митрополита Евлогия (Георгиевского) с Константинопольским Патриархатом в первой половине 1920-х годов: к постановке проблемы // Церковно-исторический вестник. 2005–2006. № 12–13. С. 69.

⁹⁷ Там же. С. 70–71.

⁹⁸ Утренняя заря. 1938 г. № 12. С. 102.

ского Общества и т. д. Русский Архиерейский Синод охраняет права Русской Православной Церкви. Затем он помогает другим автокефальным Церквам сдерживать еретические новаторства некоторых глав автокефальных Церквей»⁹⁹.

Что касается «еретических новаторств», то обновленцам в советской России удалось довольно быстро установить контакты с Восточными Церквами, и уже в августе 1922 г. (через три месяца после начала раскола) на съезде «Живой Церкви» в Москве в президиуме находились представители Константинопольского и Александрийского Патриархов в стране – архимандриты Иаков и Павел. Правда, Патриарх Мелетий IV первоначально не поддерживал обновленческое Высшее церковное управление и делал заявления в защиту арестованного Патриарха Тихона.

Так, в частности 5 мая 1922 г., Синод Константинопольской Патриархии принял Меморандум в защиту гонимых христиан в Азии и России, осуждавший проводившуюся большевиками кампанию по изъятию церковных ценностей и арест Патриарха Московского и всея России Тихона¹⁰⁰. Текст меморандума, направленный руководству всех христианских Церквей, был выслан и председателю Русского Зарубежного Архиерейского Синода митрополиту Антонию (Храповицкому) с просьбой передать его Патриарху Тихону¹⁰¹. Рассчитывая на поддержку Предстоятелей Поместных Православных Церквей, в том числе и Патриарха Константинопольского, митрополит Антоний (Храповицкий) направил 18 февраля 1923 г. обращенное к ним Послание, содержавшее призыв не признавать действительности таинств в обновленческом и украинском автокефальном расколах¹⁰².

Через два месяца, согласно сообщению русской эмигрантской прессы, в связи с планируемым извержением из сана Всероссийского Патриарха на Втором обновленческом Соборе (29 апреля – 9 мая 1923 г.) Священный Синод и Смешанный Совет Константинопольского Патриархата 24 апреля постановили: «Уведомить представителя Вселенского Патриарха в Москве, что Великая Церковь не только не пошлет на суд своего представителя, но рекомендует и русским иерархам воздержаться от всякого участия в нем, потому что православие смотрит на Патриарха Московского и всея России как на исповедника»¹⁰³.

Проходивший в мае – июне 1923 г. в Константинополе под председательством Патриарха Мелетия так называемый Всеправославный конгресс также высказался по делу Патриарха Тихона и осудившего его обновленческого «Собора». В связи с этим событием Патриарх Мелетий направил специальную грамоту председателю Зарубежного Архиерейского Синода Русской Церкви митрополиту Антонию, в которой низложение Патриарха Тихона было названо незаконным: «Всеправославный конгресс в Царьграде, узнавши о состоявшемся в Москве Церковно-народном Соборе, который среди остальных неканонических определений издал и определение о низложении в заключении находящегося Патриарха Тихона, единогласно постановил следующее: 1) выражает сожаление по поводу такого поступка в отношении Первоиерарха Святейшей Русской Церкви, и притом именно во время его мученичества, и сердечное соучастие Исповеднику-Патриарху. 4) просит Вселенскую Патриархию рассмотреть вместе с остальными Православными Церквами вопрос о состоянии Русской Церкви, чтобы дать точное направление возмущенной религиозной совести благочестивого русского народа, терпящего ужасное

⁹⁹ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 4, л. 177–186.

¹⁰⁰ Меморандум Вселенской Патриархии в защиту гонимых христиан в Азии и России // Церковные ведомости. 1923. № 5–6. С. 3.

¹⁰¹ Грамота Святейшего Мелетия, Патриарха Вселенского, на имя Председателя б. Высшего Русского церковного управления за границей // Церковные ведомости. 1923. № 5–6. С. 3.

¹⁰² Послание Председательствующего Временного Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей – Святейшим Патриархам Восточным, Главам Автокефальных Православных Церквей, православным архиереям, всему священному клиру и всем православным христианам // Церковные ведомости. 1923. № 3–4. С. 1–2.

¹⁰³ Троцкий С.В. Что такое «Живая церковь»? Белград, 1927. С. 34–36; Постановление Вселенского Патриархата по вопросу о суде над Святейшим Тихоном, Патриархом Московским и всея России // Церковные ведомости. 1923. № 7–8. С. 1.

испытание в вере». Однако четкого выражения отношения к обновленческому расколу в этой грамоте высказано не было¹⁰⁴.

На заседании обновленческого Высшего Церковного Совета от 8 августа 1923 г., постановившем переименовать его в Священный Синод, первым пунктом было решено: «Восстановить связь с заграничными Восточными Церквями. При этом высокопреосвященным митрополитом Евдокимом было отмечено, что 7 августа к нему на Троицкое подворье являлись с официальным приветствием представители Восточных Патриархов: Константинопольского – архимандрит Иаков и Александрийского – архимандрит Павел. Во время ответного визита архимандритом Иаковом было заявлено митрополиту Евдокиму, что о всех происшедших церковных переменах уже сообщено в благоприятном смысле Вселенскому Патриарху». Вслед за этим председатель обновленческого Синода митрополит Евдоким (Мещерский) отправил в Константинопольскую Патриархию письмо, в котором описал «непростительные ошибки» Патриарха Тихона и «созидательную работу» обновленцев. Заканчивалось письмо обещанием послать на Восток для доклада представителя от «Священного Синода» и заверением: «Мы – верные сыны Святой Православной Церкви и никогда ни за что не сменяем веры отцов наших, дедов и прадедов ни на какие другие новые веры и никогда не оторвемся от православного Востока»¹⁰⁵.

В этот период использовать авторитет Вселенского Патриарха для укрепления позиций обновленцев пытались и советские руководители. 18 сентября 1923 г. Антираигозная комиссия ЦК РКП(б) постановила: «Поручить т. Попову [председателю комиссии] переговорить с т. Чичериным о положении Мелетия и Константинопольского Синода и в зависимости от этого решить вопрос о возврате их представителям находящегося в Москве дома»¹⁰⁶.

Хотя Патриарх Мелетий на указанное письмо митрополита Евдокима не ответил, однако фактически поддержал обновленцев. 22 октября 1926 г. в приветственном послании Патриарху Мелетию (Метаксакису), занявшему тогда Александрийский престол, члены обновленческого Синода отмечали: «Священный Синод с сердечной признательностью вспоминает о той моральной поддержке, которая была оказана Вашим Блаженством, в бытность Вашего Блаженства Константинопольским Патриархом, Священному Синоду вступлением в каноническое общение с ним как единственно законным органом Русской Православной Церкви»¹⁰⁷.

Как уже говорилось, с 10 мая по 8 июня 1923 г. в Константинополе под председательством Патриарха Мелетия и по его инициативе прошло совещание (так называемый Всеправославный конгресс), первоначально именуемый комиссией или комитетом Православных Церквей. Важнейшим мотивом подготовки конгресса стало стремление Константинопольской Патриархии форсировать сближение с Англиканской Церковью в условиях завершившейся греко-турецкой войны 1919–1922 гг. и подготовки к подписанию Лозаннского мирного договора. Развитие православно-англиканского диалога воспринималось греческой стороной как средство привлечения политической поддержки Великобритании в ходе послевоенного переустройства и утверждения греко-турецкой границы¹⁰⁸. В то же время Патриарх Мелетий предпринял усилия по реализации экуменических пожеланий, высказанных в окружном послании «К Церквам христианским, во всем мире обретающимся», опубликованном в январе 1920 г. Священным Синодом Константинопольского Патриархата.

---

¹⁰⁴ Александр Мазырин, *свящ.* Константинопольский Патриархат и обновленческий раскол // URL: <http://www.pravoslavie.ru> (дата посещения 21 февраля 2017 г.).

¹⁰⁵ Александр Мазырин, *свящ.* Константинопольский Патриархат и обновленческий раскол.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 1 (14). С. 2.

¹⁰⁸ См.: Ветошиков К. История Константинопольского Патриархата в XX веке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. Сергиев Посад, 1996. С. 49; Слесарев А.В. Старостильный раскол в истории Православной Церкви (1924–2008). М., 2009. С. 48–56.

3 февраля 1923 г. Патриарх Мелетий опубликовал послание № 872/467 «К благословенным и честным Предстоятелям Святых Православных Церквей Александрии, Антиохии, Иерусалима, Сербии, Кипра, Эллады и Румынии», в котором уделил особое внимание необходимости приведения церковного времяисчисления в соответствие с григорианским календарем, принятым в европейских странах и Америке. Необходимость проведения реформирования православного календаря объяснялась также важностью достижения всехристианского единства в совершении празднований Рождества Христова и Воскресения Христова. Для обсуждения имеющихся вопросов Патриарх предлагал организовать в Константинополе после пасхальных праздников работу комитета (или комиссии), в котором бы приняли участие один или два представителя указанных в послании Православных Церквей.

Однако конгресс открылся в составе всего 9 членов: 4 архиереев, 2 архимандритов и 3 мирян, представлявших Константинопольскую (3 человека), Кипрскую (1), Элладскую (1), Румынскую (2) и Сербскую Церкви (2 человека)¹⁰⁹. Полномочными представителями Константинопольского Патриархата выступили митрополит Кизический Каллиник, профессор Богословской школы на острове Халки В. Антониадис и генеральный секретарь Патриархии архимандрит Герман; представителями Сербской Православной Церкви являлись митрополит Черногорский и Приморский Гавриил (Дожич) и автор новоюлианского календаря профессор Белградского университета М. Миланкович; представителями Румынской Православной Церкви были профессор Центральной семинарии в Бухаресте архимандрит Юлий (Скрибан) и сенатор П. Дрангич; представителем Элладской Православной Церкви выступил митрополит Диррахийский Иаков. Полномочия представителя Кипрской Православной Церкви были делегированы иерарху Константинопольского Патриархата митрополиту Никейскому Василию (Георгадису). Остальные Поместные Православные Церкви, прежде всего Антиохийский, Иерусалимский и Александрийский Патриархаты, решили в совещании не участвовать. В работе собрания участвовали член Русского Архиерейского Синода за границей архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский) и архиепископ Алеутский и Северо-Американский Александр (Немоловский), не имевшие полномочий представлять Московский Патриархат. В официальных документах конгресса они позиционируются как иерархи Русской Православной Церкви, приглашенные со стороны Константинопольской Церкви¹¹⁰. На некоторых заседаниях также присутствовали англикане: епископ Чарльз Гор и протопресвитер Бэкстон.

Описание торжественного открытия 10 мая 1923 г. работы Комитета Православных Церквей нашло отражение на страницах журнала «Церковная жизнь»¹¹¹. В тот же день началось первое заседание конгресса. Внимание его участников сразу же было обращено к вопросу реформы церковного календаря. На втором заседании 11 мая было принято решение об образовании трех комиссий, ориентированных на изучение догматико-канонического, математико-астрономического и практического аспектов календарной реформы. В состав третьей комиссии вошли русские архиепископы Анастасий и Александр. В тот же день Патриарх Мелетий озвучил перечень вопросов, которые, по его мнению, требовали осмысления и решения на всеправославном уровне. В частности, предлагалось рассмотреть: 1) возможность переноса празднований памяти святых с будних дней на ближайшие воскресенья; 2) препятствия к заключению брака; 3) допустимость женатого епископата, второго брака для вдовых клириков и вступления в брак после рукоположения; 4) допустимость сокращения и упрощения богослужений; 5) упорядочение практики поста; 6) периодичность созыва Всеправославных Соборов. По инициативе митрополита Черногорского Гавриила на повестку Комитета Православных

¹⁰⁹ *Триадицкий Фотий (Сиромахов), еп.* Роковой шаг по пути к отступлению // Православная Русь. 1994. № 1. С. 7–10, 15.

¹¹⁰ См.: *Слесарев А.В.* Участие архиереев Русской Православной Церкви Заграницей в работе Всеправославного конгресса 1923 г. Минск, 2017. Рукопись.

¹¹¹ Междуправославная конференция в Константинополе // Церковные ведомости. 1923. № 11–12. С. 9.

Церквей были вынесены вопросы: 1) основания к расторжению брака; 2) условия смешанных браков; 3) канонический возраст рукоположения во все степени священства; 4) возможность присоединения к православию римо-католических клириков на условиях сохранения за ними священного сана и дозволения им вступать в брак; 5) внешний вид и одежда клириков¹¹².

Во время проведения второго заседания архиепископ Анастасий (Грибановский) обратился к собравшимся со словом, в котором рассказал о состоявшемся в Москве обновленческом «Втором Поместном Всероссийском Соборе», участники которого характеризовались им как лица, «действующие в полном согласии с советскими властями». Сообщив о неканоничном решении обновленческого Собора относительно извержения из сана Святейшего Патриарха Тихона, архиепископ Анастасий назвал Предстоятеля Русской Церкви символом христианского мужества и храбрости в отражении сил ада, направленных против Церкви Христовой. По мнению архиепископа, Всеправославное собрание выполнит свой долг только в том случае, если проявит решительность в оценке московских событий. Призывая участников конгресса не оставаться равнодушными к судьбе Патриарха Тихона, владыка Анастасий предложил отвергнуть решения обновленческого Собора и как можно скорее опубликовать от лица Комитета Православных Церквей официальное заявление с выражением поддержки Патриарху Тихону.

В ответ на обращение архиепископа Анастасия Патриарх Мелетий заявил о том, что серьезность озвученной проблемы не позволяет проявлять спешку в принятии соответствующего заявления. По его мнению, необходимо было не только осудить произошедшее в Москве, но и добиться ощутимых практических результатов, для чего необходимо обладание полной информацией. Выразив надежду на получение необходимых сведений от представителя Константинопольского Патриархата в Москве, Патриарх Мелетий предложил перенести сроки принятия резолюции по ситуации в Русской Церкви. Участники конгресса выразили свое согласие с этой позицией¹¹³.

Главное внимание на совещании уделялось календарной реформе. В результате дискуссии было решено рекомендовать временно принять «новоюлианский» календарь профессора М. Миланковича (неподвижные церковные праздники отмечались по григорианскому календарю, а праздники Пасхального цикла – по юлианскому). На пятом заседании 23 мая выступил бывший епископ Оксфордский Чарльз Гор, отметивший значимость календарной реформы в процессе сближения между Англиканской и Православной Церквями. В свою очередь Патриарх Мелетий констатировал готовность православной стороны к принятию нового календаря и просил епископа Чарльза уведомить об этом архиепископа Кентерберийского.

Владыка Анастасий выступил в качестве руководителя оппозиции против предложенных Константинопольским Патриархом радикальных реформ: кроме изменения календаря на совещании рассматривались вопросы о второбрачии священников, женатом епископате, отказе от подвижного круга церковных праздников, седмичного распорядка дней, сокращении богослужения, ослаблении постов, разрешении клирикам ходить в мирской одежде, стричь волосы и брить бороды и т. д. Обсуждался также вопрос о возможности объединения с Англиканской Церковью. В результате выступлений архиепископа Анастасия от проведения значительной части намеченных преобразований отказались¹¹⁴.

На первом же заседании, 10 мая, владыка Анастасий заявил, что не имеет «определенных инструкций по календарному вопросу от русских карловацких иерархов». На четвертом заседании, после завершения выступления Константинопольского Патриарха, архиепископ Анастасий указал на возможные негативные последствия, которые породит календарная реформа.

¹¹² Слесарев А.В. Участие архиереев Русской Православной Церкви Заграницей в работе Всеправославного Конгресса 1923 г. С. 2–3.

¹¹³ Там же. С. 4–5.

¹¹⁴ Троицкий С.В. Будем вместе бороться с опасностью // ЖМП. 1950. № 2. С. 37, 46–47; Иеромонах Сава (Яньић). Екуменизм и време апостасије. Призрен, 1995. С. 11.

Изменение системы времяисчисления приведет к соблазнам в Поместных Церквях, считал архиепископ, но в наибольшей степени эта проблема затронет Иерусалимскую Православную Церковь, которую русский православный народ привык воспринимать как защитницу и хранительницу православных традиций. В этом случае владыка Анастасий подразумевал возможные смущения православных паломников, увязывавших схождение Благодатного огня на Гробе Господнем с исчислением дня празднования Пасхи по юлианскому календарю. Архиепископ также отметил возможные совпадения дней празднования христианской и иудейской Пасхи в случае перевода Пасхалии на новый календарный стиль¹¹⁵.

Когда на шестом заседании обсуждался вопрос второбрачия духовенства, вопреки мнению большинства участников заседания, архиепископ Анастасий выступил с заявлением о том, что допущение второбрачия для священнослужителей может рассматриваться как нарушение канонического порядка. Архиепископ сообщил о том, что данный вопрос рассматривался на Предсоборном Присутствии 1906 г. и на Всероссийском Поместном Соборе 1917–1918 гг., где после состоявшихся обсуждений решение о второбрачии клириков так и не было принято. По словам владыки, основанием к тому стала убедительная позиция известного православного канониста епископа Далматинско-Истрийского Никодима (Милаша). Архиепископ Александр (Немоловский) заявил о своем полном согласии со словами владыки Анастасия, отражавшими общую позицию Русской Православной Церкви¹¹⁶.

В дальнейших заседаниях конгресса архиепископ Анастасий (Грибановский) участия не принимал и не подписал ни одного его определения. В современной российской историографии существует мнение о том, что «архиепископ Анастасий, приняв участие только в четырех заседаниях из десяти, покинул собрание в знак протеста»¹¹⁷. Однако владыка Анастасий покинул Константинополь после активнейшего участия в шестом заседании для того, что принять участие в работе Русского Зарубежного Архиерейского Собора. Как известно, Собор открылся 31 мая 1923 г. в г. Сремски Карловцы (Королевство сербов, хорватов и словенцев)¹¹⁸. В отличие от владыки Анастасия архиепископ Александр, также отстаивая позицию Русской Церкви (хотя и не так активно), принял участие в работе конгресса до конца.

На седьмом заседании, 30 мая, владыка Александр в своем меморандуме заявил о несогласии с представителями Сербской и Румынской Церквей по вопросу допущения второго брака для духовенства и сослался на авторитет Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг., не санкционировавшего пересмотр сложившихся канонических норм. По мнению архиепископа, ревизию церковного законодательства в области брачного права духовенства мог провести только Вселенский Собор. После завершения выступления архиепископа Александра слово взял Патриарх Константинопольский Мелетий. Не согласившись с позицией русского иерарха, он заявил о том, что решение о допущении второбрачия для клириков должно носить канонический характер, а не быть проявлением икономии (т. е. ослаблением действия канонов). Владыка Александр высказал свое несогласие и с предполагавшимся разрешением на вступление в брак клириков уже после их хиротонии. В конце седьмого заседания архиепископ призвал собравшихся осознать катастрофическое положение Русской Православной Церкви в советском государстве, не позволившее ей принять полноценное участие в конгрессе и основательно изложить собственную позицию по обсуждаемым вопросам¹¹⁹.

---

¹¹⁵ Слесарев А.В. Участие архиереев Русской Православной Церкви Заграницей в работе Всеправославного конгресса 1923 г. С. 6–7.

¹¹⁶ Там же. С. 8–9.

¹¹⁷ Александр Мазырин, свщ., А.А. Кострюков. Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке. М., 2017. С. 270.

¹¹⁸ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. С. 170.

¹¹⁹ Слесарев А.В. Участие архиереев Русской Православной Церкви Заграницей в работе Всеправославного конгресса 1923 г. С. 10–11.

На девятом заседании, 5 июня, состоялось принятие решения о проведении реформы православного церковного календаря. При этом, согласно определению конгресса, предполагался перевод на новый стиль как неподвижных праздников православного месяцесловия, так в перспективе и подвижного Пасхального цикла. К составлению новых Пасхальных таблиц предполагалось привлечь обсерватории Афин, Белграда, Бухареста и Пулкова (под Петроградом). Также констатировалась потенциальная допустимость установления празднования Пасхи в качестве неподвижного праздника в том случае, если этот день будет иметь научное подтверждение.

Затем участники конгресса утвердили постановления о дозволении второго брака для вдовых священников и диаконов, о допущении практики вступления в брак клириков после хиротонии (за исключением монашествующих), о проведении в 1925 г. празднования 1600-летия I Вселенского Собора, о нижней границе возраста рукополагаемых в сан диакона – 21 год, в сан пресвитера – 24 года, в сан епископа – 30 лет и для постригаемых в монашество – 25 лет, о дозволении клирикам стрижения волос и ношения светской одежды за пределами храмов, о сохранении канонических определений относительно препятствий к браку и дозволении Соборам Поместных Церквей проявлять иконономию в данном вопросе, о допущении практики переноса празднований святых с будних дней на ближайшие воскресные дни, о необходимости ориентации на 64-е Апостольское правило, предполагающее пост только в Великую Четыредесятницу, среду и пятницу¹²⁰.

Эти определения носили временный характер и могли быть применяемы в церковной практике до принятия решений по данным вопросам Всеправославным Собором, при этом Константинопольской Патриархии поручили взять на себя инициативу по его созыву. Архиепископ Александр поставил свою подпись под всеми определениями, хотя ранее против принятия некоторых из них открыто возражал. Видимо, русский архиерей решил пойти на определенные временные уступки, чтобы добиться главных целей – объявления неканоничными решений Второго обновленческого Собора в Москве, отклонения претензий Константинопольского Патриархата на подчинение ему всей православной диаспоры, а также наиболее пререкаемых «реформ» вроде женатого епископата.

Патриарх Мелетий на том же девятом заседании предложил к обсуждению вопрос юрисдикционной принадлежности православной диаспоры. Инициирование обсуждения вопроса о признании за Константинопольским Патриархатом прав на возглавление православной диаспоры преследовало цель легитимации на всеправославном уровне изданного 1 марта 1922 г. упоминавшегося соответствующего Томоса. Без достаточных оснований апеллируя к 28-му правилу IV Вселенского Собора, Мелетий IV доказывал исключительное право Константинопольского Патриархата на духовное возглавление всех православных епархий, находившихся за пределами границ Поместных Церквей. В частности, в качестве возможного средства к устранению существующей в Северной Америке разобщенности он предложил учреждение там экзархата Константинопольского Патриархата.

При обсуждении этого вопроса Мелетий IV не смог проигнорировать мнение владыки Александра, ранее управлявшего русской Североамериканской епархией Русской Церкви. Согласившись с актуальностью проблемы, архиепископ призвал участников конгресса принять во внимание положение, в котором находилась Русская Православная Церковь. По его мнению, согласие проживавших в Америке русских на переход в юрисдикцию Константинопольского Патриархата будет равнозначно предательству находившегося под арестом Патриарха Тихона. В качестве временной меры архиепископ Александр рассматривал потенциальную возможность назначения на четырехлетний срок русского архиерея в качестве экзарха Констан-

---

¹²⁰ Слесарев А.В. Участие архиереев Русской Православной Церкви Заграницей в работе Всеправославного конгресса 1923 г. С. 12–13.

тинопольского Патриархата. Однако в связи с трагическими событиями церковной жизни в России реализация подобного сценария представлялась ему преждевременной. Практическое разрешение вопроса разобщенности американских православных владыка Александр усматривал в усилении взаимодействия русских и греческих иерархов. Возобновление обсуждения вопроса о юрисдикционном подчинении православной диаспоры произошло на десятом заседании, 6 июня, но после обмена мнениями он был вообще снят с повестки дня. Несомненно, что именно позиция архиепископа Александра предопределила отклонение конгрессом инициативы Мелетия IV по признанию законным подчинения Константинопольскому Патриархату всей православной диаспоры¹²¹.

Десятое заседание стало успешным для Русской Православной Церкви и в другом отношении. Митрополит Черногорский Гавриил (будущий Сербский Патриарх) напомнил собравшимся о прозвучавшем во время второго заседания предложении архиепископа Анастасия принять от лица конгресса официальное обращение в поддержку Патриарха Московского и всея России Тихона. После обсуждения вопроса постановление о церковной ситуации в советской России все-таки было принято. Согласно его тексту, обновленческий «Второй Поместный Всероссийский Собор» именовался церковнонародным собранием, а его решения, в том числе и относительно низложения Патриарха Тихона, объявлялись неканоничными. Конгресс выразил глубокое сожаление в связи с произошедшим и «сердечное сострадание исповеднику Патриарху», заявив, что «все мировое православие считает его исповедником». В тексте определения содержались призыв ко всему христианскому миру приложить усилия к освобождению Предстоятеля Русской Православной Церкви и обращение к Патриарху Константинопольскому с просьбой о рассмотрении совместно с другими Поместными Церквами церковной ситуации в России¹²².

Всего состоялось 11 заседаний конгресса. Его работа завершилась 8 июня. Обращаясь на последнем заседании к собравшимся, архиепископ Александр (Немоловский) положительно отзывался о прошедшем конгрессе и выразил слова благодарности инициировавшей его Константинопольской Патриархии. В завершение своего выступления владыка Александр поблагодарил Вселенский Патриархат и Всеправославный конгресс за небезразличие к положению Русской Православной Церкви и Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона¹²³. Принятие конгрессом постановления о положении Русской Церкви действительно имело положительное значение и, возможно, сыграло какую-то роль в освобождении из-под ареста Патриарха Тихона в конце июня 1923 г.

Однако многие решения конгресса не были усвоены в канонической практике ни одной из Поместных Православных Церквей. Более того, авторитет самого конгресса впоследствии был поставлен под сомнение Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской, Русской и Сербской Церквами¹²⁴.

Еще до завершения работы конгресса на проходившем 4 июня 1923 г. заседании Русского Зарубежного Архиерейского Собора его участники не сочли возможной реализацию в церковной жизни российской диаспоры инициативы Всеправославного совещания по реформе церковного времяисчисления и допущению второбрачия для духовенства¹²⁵. Со второй поло-

---

¹²¹ Слесарев А.В. Участие архиереев Русской Православной Церкви Заграницей в работе Всеправославного конгресса 1923 г. С. 14–15.

¹²² Междуправославная конференция в Константинополе. С. 9; Viscuso P. A quest for reform of the Orthodox Church: the 1923 Pan-Orthodox Congress. Berkeley, 2006. P. 185–195.

¹²³ Слесарев А.В. Участие архиереев Русской Православной Церкви Заграницей в работе Всеправославного конгресса 1923 г. С. 16–17.

¹²⁴ Якимчук И.З. Всеправославный конгресс // Православная энциклопедия. Т. 9. М., 2005. С. 683.

¹²⁵ Определения Собора Архиереев Русской Православной Церкви Заграницей. По вопросу о реформе православного календаря // Церковные ведомости. 1923. № 13–14. С. 1–2.

вины июня официальный орган Архиерейского Синода журнал «Церковные ведомости» начал публикацию критических материалов в отношении проекта реформы церковного календаря, решения о второбрачии вдового духовенства и притязаний Фанара на подчинение всей православной диаспоры¹²⁶.

В конце июля Зарубежная Русская Церковь заметно ужесточила свое отношение к Всеправославному конгрессу, основанием к чему стало получение митрополитом Антонием (Храповицким) копии послания Патриарха Александрийского Фотия на имя Патриарха Антиохийского Григория IV. Этот документ подвергал резкой критике конгресс, называя его «самозванным», «неканоническим» и «незаконно составленным», характеризуя поставленные на нем вопросы как «неблаговременные» и «неуместные», а решения «бесцельными», «неканоничными» и «вредными». Патриарх Фотий заявлял об осуждении конгресса Священным Синодом Александрийской Православной Церкви и отвержении изменения традиционных православных канонических норм¹²⁷.

Окончательное отношение Русского Зарубежного Архиерейского Синода к Всеправославному конгрессу было сформулировано в определении от 25 июля – 7 августа 1923 г., согласно которому предполагалось «уведомить Вселенского Патриарха, что постановления созванной им Междуправославной Константинопольской Комиссии, переименованной им во Всеправославный конгресс, в частности о второбрачии духовенства, о реформе церковного календаря и введении с октября месяца сего года в церковном обиходе нового времяисчисления не могут быть приняты Русской Православной Церковью за границей как противоречащие свящ[енным] канонам и древней церковной практике, освященной Вселенскими Соборами»¹²⁸.

Более того, Архиерейский Синод отказал конгрессу и во всеправославном статусе: «Комиссия, не является выразителем голоса всей Св[ятой] Вселенской Соборной Апостольской Церкви и решения его не могут иметь силы декретов, обязательных для Православной Церкви». Обсуждавшиеся на конгрессе вопросы были объявлены подлежащими рассмотрению исключительно Вселенского Собора, несвоевременными для Русской Церкви и чреватými возникновением раскола. Решение о реформе церковного календаря характеризовалось как поспешное, проведенное неканоническим путем и вредное¹²⁹.

Нивелировав роль архиепископа Александра (Немоловского) как представителя Русской Церкви на конгрессе, Архиерейский Синод запросил архиепископа Анастасия (Грибановского), «находит ли он удобным оставаться в Константинопольской Междуправославной Комиссии после вынесенных ею решений». Фактически отзывая голос своего представителя от деяний конгресса, Архиерейский Синод определил также направить Константинопольскому Патриарху копию ответа архиепископа Анастасия¹³⁰. Через несколько дней Архиерейский Синод принял решение не дожидаться ответа архиепископа Анастасия, и на основании неприятия конгресса тремя Восточными Патриархами (Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским) вывести управляющего русскими приходами в Константинополе из его состава¹³¹.

¹²⁶ Махароблидзе Е. Несколько мыслей по поводу нового стиля в Православной Церкви // Церковные ведомости. 1923. № 15–16. С. 10–13; Троицкий С. Догматический смысл запрещения второбрачия священнослужителям // Церковные ведомости. 1923. № 15–16. С. 13–16; № 17–18. С. 13–16; Троицкий С. Юрисдикция Цареградского Патриарха в области диаспоры // Церковные ведомости. 1923. № 11–12. С. 7; № 17–18. С. 8–12.

¹²⁷ Послание Св. Фотия, Патриарха и Папы Александрийского и всего Египта на имя Святейшего Патриарха Антиохийского // Церковные ведомости. 1923. № 17–18. С. 3–4.

¹²⁸ Определения Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей. От 25 июля – 7 августа 1923 г. По поводу постановлений Междуправославной Комиссии в Константинополе // Церковные ведомости. 1923. № 17–18. С. 4–5.

¹²⁹ Там же. С. 5.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Определения Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей. От 25 июля – 7 августа 1923 г. Об отзывании представителей Русской Православной Церкви из Константинопольской Междуправославной Комиссии // Церковные ведомости. 1923. № 19–20. С. 6; Слесарев А. В. Участие архиереев Русской Православной Церкви Заграницей в работе

Позднее находившийся в юрисдикции Русской Православной Церкви Заграницей епископ Никон (Рклицкий) писал: «Важнейшими постановлениями Собора было решение о переходе на новый стиль и о допустимости второбрачия духовенства. Александрийская, Антиохийская и Иерусалимская Церкви не участвовали в Соборе, считая его созыв неблагоприятным (а Мелетия – неканоническим узурпатором). Постановления же его были ими отвергнуты, как, по выражению Александрийского Патриарха, “противные практике, преданию и учению Святейшей Матери-Церкви и предложенные в качестве как будто легких модификаций, которые, вероятно, вызваны требованиями нового догмата современности” (Грамота Антиохийскому Патриарху от 23 июня 1923 г.). Представители Русской Зарубежной Церкви (архиепископы Анастасий и Александр) и вслед за ними Архиерейский Собор отнеслись совершенно отрицательно к этим реформам»¹³². Митрополит Антоний (Храповицкий) назвал календарные изменения «неразумной и бесцельной уступкой масонству и папизму»¹³³.

10 июля в письме архиепископу Финляндскому Серафиму (Лукиянову) Патриарх Мелетий ложно сообщил, что новый календарь якобы приняли «с согласия и посредством решения всех Православных Церквей». Таким же образом первоначально был введен в заблуждение и Патриарх Тихон¹³⁴. В дальнейшем архиепископ Анастасий (Грибановский) послал Московскому Патриарху из Константинополя телеграмму о том, что далеко не все Православные Церкви приняли новый календарь¹³⁵.

Только 25 июля 1923 г. Константинопольский Синод обратился к Поместным Православным Церквям, заявляя, что ожидает их «общего одобрения» решения о церковно-календарной реформе, для того чтобы оповестить «решение [Всеpravославного] конгресса как решение Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви». Однако значительная часть Церквей отвергла предложенную реформу¹³⁶. В ответ на грамоту Вселенского Патриарха от 12 марта 1924 г. о введении в церковном обиходе новоюлианского календаря Патриарх Московский и всея России Тихон известил его, что в Русской Церкви ввести новый стиль оказалось невозможным ввиду решительного сопротивления народа¹³⁷.

Патриарх Тихон дал и окончательную оценку статуса архиепископов Анастасия (Грибановского) и Александра (Немоловского) как участников Всеpravославного конгресса. В своем «Заявлении в Центральный Исполнительный Комитет по вопросам об отношении Православной Русской Церкви к календарной реформе (переходу на григорианский “новый” стиль)», датированном 30 сентября 1924 г., он отказал этим иерархам в правомочности выражения голоса Русской Православной Церкви на константинопольском совещании. В контексте оценки легитимности решений конгресса Патриарх Тихон писал: «Неблагоприятным для совещания обстоятельством, в значительной степени умаляющим вес всех его постановлений, было отсутствие на нем уполномоченных от Патриархатов Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского и Всероссийского»¹³⁸.

В ближайшие после конгресса годы новый календарь ввели только три Поместные Православные Церкви: Константинопольская, Элладская (под сильным давлением правительства) и Румынская. В остальных этого не произошло из-за опасения волнений и расколов, а также

Всеpravославного конгресса 1923 г. С. 18–19.

¹³² Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1961. Т. 10. С. 38.

¹³³ Монах Горазд. Quo vadis, Константинопольская Патриархия? // Православная Русь. Джорданвилл. 1992. № 2. С. 7.

¹³⁴ Церковные ведомости. 1923. № 19, 20.

¹³⁵ Мосс В. Указ. соч. С. 110.

¹³⁶ Якимчук И. Раскол в Элладской Православной Церкви в XX веке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. Сергиев Посад. 1999. С. 69–70.

¹³⁷ Церковные ведомости. 1924. № 11, 12.

¹³⁸ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве Высшей церковной власти. 1917–1943 гг. С. 334.

вследствие сильной негативной реакции верующих. Переход к новому стилю воспринимался как проявление намерения Константинополя сблизиться с Западом во вред вековому литургическому единству Поместных Православных Церквей. Вводимый под политическим давлением и в противоречии с прежними соборными решениями, новый календарь вызвал в ряде стран расколы и уличные столкновения, которых не избежал и сам Патриарх Мелетий¹³⁹.

Еще до окончания Всеправославного конгресса положение Константинопольского Патриарха существенно осложнилось. 1 июня 1923 г. последователи священника П. Евтимия, а также возмущенные календарной реформой верующие созвали митинг, который закончился нападением на Патриархию с целью низвержения Мелетия IV и изгнания его из Константинополя. Нападавшие разгромили Патриаршие покои и подвергли самого Патриарха телесным побоям или, как сообщалось в церковной печати, «нанесли ему оскорбление действиями»¹⁴⁰.

Турецкая полиция пассивно наблюдала за беспорядками, и только после прибытия французской военной полиции порядок был восстановлен. После этого нападения и требований турецкого правительства перенести Патриаршую кафедру за пределы Турции Патриарх Мелетий поставил на заседании Синода вопрос о перемещении Патриархии. Тогда же он послал телеграмму своему дяде премьер-министру Греции Е. Венизелосу в Лозанну, спрашивая его совета, и в ответ получил телеграмму с предложением оставить Патриарший престол. По свидетельству очевидцев, это предложение привело Патриарха в ярость, но он 1 июля, под предлогом плохого здоровья и необходимости лечения, временно покинул Стамбул и поселился на Афоне. Вместо себя Патриарх Мелетий оставил Местоблюстителем митрополита Кесарийского Николая¹⁴¹.

24 июля 1923 г. в Лозанне был подписан мирный договор между Грецией Великобританией, Францией, Италией, Японией, Румынией с одной стороны и Турцией – с другой. По этому договору в состав Турции входили Восточная Фракия, эгейское побережье Малой Азии, Турецкая Армения, острова Имброс и Тенедос, таким образом, Греция отказалась от всех своих завоеваний, кроме Западной Фракии и некоторых островов. Греческое население почти всей страны, кроме Стамбула, островов Имброс и Тенедос, подлежало репатриации на историческую родину; в свою очередь, в Анатолию должны были переселиться турки, проживавшие в балканских странах (примерно 360 тысяч). В результате этого договора около 1, 6 миллионов греков были выселены на свою историческую родину, которая после поражения в войне находилась в тяжелейшем состоянии и не могла им материально помочь. В ходе этого вынужденного перемещения от голода, холода и болезней погибло 300 тысяч беженцев¹⁴². Таким образом, Константинопольский Патриархат лишился почти всей своей паствы, перестал он быть и этнархом всех православных христиан бывшей Османской империи.

Следует упомянуть, что в этих сложных условиях внешнеполитическая поддержка Патриархату была оказана со стороны зарубежных русских иерархов. Так, 4 января 1923 г. митрополит Антоний (Храповицкий) направил официальное обращение президенту Лозаннской конференции, в котором выражал обеспокоенность в связи с возможным удалением Константинопольской Патриархии из Стамбула. Невозможность ее переселения объяснялась следующим образом: «Константинопольский Патриарх для православных христиан всех стран является верховным судьей, а упразднение или унижение сей Апостольской кафедры явилось бы глубоким оскорблением и унижением всей Православной Церкви»¹⁴³.

¹³⁹ Троцкий С.В. Будем вместе бороться с опасностью. С. 46.

¹⁴⁰ Церковные ведомости. 1923. № 19, 20; The Julian Calendar // Orthodox Life. Jordanville. 1995. № 5. P. 26.

¹⁴¹ Мосс В. Указ. соч. С. 104; Pallis A.A. Greeks Abroad. Athens, 1953. P. 187.

¹⁴² National Geographic. November 1925. P. 584.

¹⁴³ Председательствующий Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей Президенту Лозаннской конференции // Церковные ведомости. 1923. № 1–2. С. 1–2.

2 октября 1923 г., за час до эвакуации союзных войск из Стамбула, член Синода Турецкой Православной Церкви о. «Папа» Евтим, в сопровождении своих сторонников и турецкой полиции вошел в здание Синода в Фанаре во время заседания и предъявил ультиматум присутствующим архиереям (после того как в 1923 г. Смешанный постоянный комитет из мирян и духовенства был упразднен, миряне непосредственного участия в управлении Патриархатом не принимали), чтобы они в течение десяти минут низложили Патриарха Мелетия. Несмотря на усиленные протесты двух из восьми членов Синода, требование было исполнено, затем шесть членов Синода, чьи кафедры находились вне пределов Турции, вместе с Местоблюстителем митрополитом Николаем фактически выгнали из Патриаршей резиденции. Но и после этого о. «Папа» Евтим заявил, что он не уйдет из Фанара, пока не будут выбраны семь предложенных им членов Синода и новый Вселенский Патриарх. При этом священник сам претендовал на этот пост. Почти все требования о. «Папы» Евтима, кроме избрания Патриарха, были выполнены, и священник вернулся в Анкару как представитель Фанара, но в этом качестве он остался недолго¹⁴⁴.

12 октября греческое правительство послало архиепископа Афинского Хризостома (Пападопулоса) к Патриарху Мелетию в Салоники с предложением отречься от Патриаршества. Владыка Мелетий думал временно перенести в Салоники Патриаршую кафедру, но греческие власти опасались, что турецкое правительство после этого шага никогда не позволит вернуть ее в Стамбул. Под сильным давлением владыка Мелетий 20 октября подписал официальный документ об отречении от Патриаршего престола¹⁴⁵. Через несколько дней – 29 октября была провозглашена Турецкая республика; тайным голосованием в Великом Национальном Собрании Турции первым президентом страны оказался единогласно избран Мустафа Кемаль, получивший почетное наименование Ататюрк (т. е. отец турок).

После своей отставки с Константинопольского престола владыка Мелетий оказался в Александрии, где при политической поддержке англичан в 1925 г. был назван вторым кандидатом на престол Александрийской Патриархии. В это время Египет находился под британским мандатом, а египетское правительство имело право утвердить кандидатуру одного из двух представленных кандидатов в Патриархи. Правительство в Каире целый год тянуло со своим решением, но 20 мая 1926 г. под давлением английских властей все-таки утвердило кандидатуру владыки Мелетия в качестве Александрийского Патриарха. Скончался он 28 июля 1935 г. и был похоронен в Каире¹⁴⁶.

18 октября 1923 г. возглавлявший Священный Синод митрополит Кизикский Каллиник разослал окружное послание архиереям о предстоящих выборах Патриарха. Так как постоянный Смешанный комитет был уже распущен и общие уставы утратили силу, в этих выборах уже не участвовали представители мирян. Кроме того, турецкий полицейский, надзиравший за деятельностью Патриархии в Фанаре, предъявил предписание помощника губернатора Стамбула Фареттина, согласно которому в выборах нового Патриарха могли участвовать только турецкие граждане, практикующие свою религию в Турции¹⁴⁷.

6 декабря того же года новым Константинопольским Патриархом был выбран духовный сын бывшего Патриарха Германа V митрополит Халкидонский Григорий (Зервудакис или Папаставрианос), в Патриаршестве Григорий VII. Он родился в 1850 г. на острове Сифнос, обучался в Халкинской богословской школе и в нескольких европейских университетах, с 1887 г. служил епископом Мир Ликийских и протосинкеллом Родосской архиепископии, затем занимал пост синкелла при Патриархе Германе V. В 1892 г. владыка Григорий был рукоположен в

¹⁴⁴ Нанакис А. Указ. соч. С. 39; Times. London. 3.10.1923, 6.10.1923, 21.11.1923.

¹⁴⁵ Горчаков К.М. Возбудители раскола. Париж, 1927. С. 29.

¹⁴⁶ Срболоб Милетич, свц. Указ. соч.

¹⁴⁷ Нанакис А. Указ. соч. С. 39.

сан митрополита Серрского, в 1909 г. переведен на кафедру митрополита Кизика, а в 1913 г. – митрополита Халкидона¹⁴⁸.

Турецкое правительство первоначально этих выборов не признало, так как в Лозаннском мирном договоре в условиях об обмене мусульманского и православного населения говорилось, что репатриации не подлежат только греки Стамбула, островов Имброс, Тенедос и турки Северной Фракии, причем жителем Стамбула мог считаться лишь грек, поселившийся там до 1918 г. Владыка Григорий переехал в Константинополь в 1918 г. и, таким образом, подлежал репатриации. Турецкие власти заявили, что если Патриарх не уедет добровольно, то он будет выдворен из страны, в ответ на это греческое правительство подало апелляцию в Гаагский арбитражный суд.

7 декабря священник «Папа» Евтим, который не был допущен в зал заседаний, со своим протеже митрополитом Родополисским Кириллом и сторонниками в сопровождении 40 вооруженных турок ворвались в Фанар. Захватчики изгнали оттуда всех обитателей и заявили, что не покинут его, пока обвиненный ими в служении интересам Греции Григорий VII не отречется от престола и не будет выбран «законный» Патриарх. Через два дня из Анкары от турецких властей, связанных Лозаннским договором, все же пришел приказ освободить Фанар, и захватчиков выпроводили оттуда при помощи полиции. Таким образом, Патриаршая резиденция все же была возвращена Григорию VII¹⁴⁹.

Одним из первых шагов нового Патриарха стало объявленное 19 февраля 1924 г. запрещение в священнослужении и лишение духовного сана «Папы» Евтима. Правда, тот не подчинился и в ответ в июле 1924 г. захватил церковь Панагии Кафатиани в Галате. 2 апреля 1926 г. он захватил еще одну стамбульскую церковь – храм Спасителя в Галате, но влияние раскольника уже было сильно подорвано¹⁵⁰.

27 февраля / 12 марта (по другим данным, 23 февраля) 1924 г. новый Патриарх со своим Синодом официально ввел в Константинопольской Церкви новоюлианский календарь. Празднование Пасхи и связанных с ней праздников было временно, до созыва Вселенского Собора, оставлено по старой Пасхалии. По некоторым сведениям, Григорий VII лично был против изменений, но был вынужден уступить давлению правительства Греции, от которого полностью зависел материально. Так, Патриарх однажды прямо сказал Священному Синоду, что, «к сожалению, изменение в календаре было навязано греческим правительством»¹⁵¹. В ответ на соответствующее послание Григория VII Московский Патриарх Тихон довел до сведения Константинопольского Патриарха, что хотя им и получена грамота о введении нового стиля с 10 марта, но в Русской Церкви ввести этот стиль оказалось невозможным ввиду решительного сопротивления народа¹⁵².

В том же месяце Патриарх Григорий VII перевел все греческие приходы в Австралии (подчинявшиеся ранее Элладской Церкви) под свою юрисдикцию и учредил митрополию Австралии и Новой Зеландии, которую до 1929 г. возглавлял митрополит Христофор (Кни-тис). Основной его заботой стала организация помощи греческим беженцам из Малой Азии в Грецию. Другим заметным деянием Григория VII было обнародование энциклики, посвященной урегулированию проблем части Македонии и Фракии, так называемых новых территорий, присоединенных к Греции в 1912–1913 гг., и созданию там новых временных епархий¹⁵³.

¹⁴⁸ Григорий VII, Патриарх Константинопольский // Православная энциклопедия. Т. XII. М., 2006. С. 604–605.

¹⁴⁹ Oriente Moderno. 15.01.1924. P. 30.

¹⁵⁰ Нанакис А. Указ. соч. С. 40.

¹⁵¹ Мосс В. Указ. соч. С. 109–110.

¹⁵² Серафим (Соболев), архиеп. О новом и старом стиле // Старый стиль лучше новых двух. Что такое календарная реформа. С. 112–113.

¹⁵³ Григорий VII, Патриарх Константинопольский. С. 604–605.

Однако положение Патриарха в своей стране было очень шатким. В марте 1924 г. турецкое правительство, изгнав халифа и упразднив халифат, внесло в Национальное Собрание законопроект (к счастью, не принятый) об изгнании из Турции высших христианских иерархов, предусматривавший ликвидацию Вселенского и Армянно-Григорианского Патриархатов. Все их недвижимое имущество предполагалось конфисковать в пользу государства. Одновременно правительство приказало под угрозой закрытия изъять из христианских школ кресты и иконы, 36 не подчинившихся указу школ действительно были закрыты. В печати Вселенского Патриарха прямо обвиняли в сотрудничестве с греческим правительством, некоторое время угроза его депортации была вполне реальной, хотя в конце концов возобладало мнение умеренных членов турецкого правительства, не желавших нарушать Лозаннское соглашение. 17 декабря 1923 г. министр юстиции признал избрание Григория VII действительным¹⁵⁴.

Проживавший в Белграде профессор С.В. Троицкий в своем труде «Что такое Живая Церковь?», ссылаясь на публикацию в «Церковных ведомостях», сообщал, что «Константинопольский Патриарх Григорий VII в послании от 27.XII.1923 г. № 5856 назвал “живцов” – “незаконными захватчиками церковной власти в России”, а Патриарха Тихона “единственным законным высшим главою церковной власти Российской Церкви”». О том же писал после Великой Отечественной войны сотрудник Московской Патриархии А. Бувеский. Но приписываемых Святейшему Григорию слов Патриаршая грамота № 5856 от 27 декабря 1923 г. не содержала. Патриарх Григорий всего лишь писал в ней митрополиту Антонию (Храповицкому) в ответ на его поздравления: «Пусть Господь дарует скорое утешение и помощь и Святой сестре Русской Церкви и Наисвятейшему Патриарху Тихону, чьи долгие испытания повергают нас в скорбь»¹⁵⁵.

В марте 1924 г. председателю обновленческого Синода митрополиту Евдокиму, так же как и Патриарху Тихону, была передана копия циркулярного письма Вселенского Патриарха о введении нового стиля. Обновленцы восприняли этот жест внимания как акт их признания. И хотя прямо о признании обновленческого Синода Константинопольская Патриархия еще не заявляла, но постепенно, по политическим причинам, эволюционировала в этом направлении. СССР в середине 1920-х гг. имел большое влияние на победивший в Турции режим Ататюрка, которому оказывали значительную военную помощь.

Поставленная турками на грань выживания Константинопольская Патриархия готова была искать защиты даже у советского руководства. Ее представителем в СССР вместо умершего в январе 1924 г. архимандрита Иакова стал его племянник иеромонах Василий (Димопуло). Вскоре возведенный в сан архимандрита о. Василий активно начал укреплять связи с обновленцами. В марте 1924 г. он вместе с представителем Александрийского Патриарха архимандритом Павлом посетил митрополита Евдокима, с которым обсудил вопросы, касающиеся направления делегатов от Русской Церкви на запланированный на 1925 г. Вселенский Собор в Иерусалиме, а также содействия в возвращении конфискованного советскими властями Константинопольского подворья в Москве. Стороны нашли полное взаимопонимание, и вскоре архимандриты Василий и Павел стали почетными членами обновленческого Синода¹⁵⁶.

Используя крайне неблагоприятную для Фанара ситуацию, обновленческий Синод 18 апреля 1924 г. постановил: «Ввиду изгнания кемалистами Вселенского Патриарха Григория VII и тяжелого его материального положения, предложить оказать гостеприимство ему, стоящему всегда на страже интересов Российской Православной Церкви, для чего с согласия пятерки [Троцкий, Смидович, Галкин, Красилов и Тучков] предоставить ему право свободно выбрать себе для своего жительства один из следующих городов: Новороссийск, Одесса, Киев,

¹⁵⁴ Церковные ведомости. 1924. № 9-10.

¹⁵⁵ Александр Мазырин, свщ. Указ. соч.

¹⁵⁶ Там же.

Петроград и даже Москву с полным иждивением, как Его Святейшеству Григорию VII, так и всей его свите при условии легализации Синода и всех постановлений [обновленческого] Собора 1923 г., устранившего патриарха Тихона»¹⁵⁷.

Переговоры о возможности переселения Патриарха Григория VII в СССР с обновленческим Синодом велись через экзарха Вселенского Патриархата в Западной Европе митрополита Фиатирского Германа (Стринополуса)¹⁵⁸. 30 апреля 1924 г. Священный Синод в Константинополе под председательством Патриарха Григория постановил, что «русские иерархи, находящиеся в Сербии и других церковных областях, не имеют канонического права к исполнению пастырских и церковных прав и обязанностей в этих областях»¹⁵⁹.

Видимо, отчасти в качестве благодарности обновленцам за сделанное ими приглашение, 6 мая в своей речи перед Константинопольским Синодом Григорий VII призвал Патриарха Тихона добровольно отказаться от Патриаршества и немедленно удалиться от церковного управления. Согласно распространенному в Москве в переводе архимандрита Василия документу под названием «Вступительная речь Его Святейшества Вселенского Патриарха Григория VII и постановление Священного Синода об основах работы отправляющейся в СССР Патриаршей миссии», Патриарх Григорий заявил, что «по приглашению церковных кругов СССР» (т. е. обновленцев) он принял предложенное ему «дело умиротворения происшедших в последнее время в тамошней братской Церкви смут и разногласий, назначив для этого особую Патриаршую комиссию из архиереев». Комиссия должна была «отправиться туда, чтобы содействовать с Божией помощью словами любви и путем разных указаний восстановлению согласия и единения в Братской Церкви ко благу всего Православия». Особо оговаривалось, что «отправляющаяся комиссия в своих работах должна опираться на те тамошние церковные течения, которые верны Правительству СССР». «Ввиду возникших церковных разногласий, – заявлял далее Патриарх Григорий, – мы полагаем необходимым, чтобы Святейший Патриарх Тихон ради единения расколовшихся и ради паствы пожертвовал собою, немедленно удалившись от церковного управления, и чтобы одновременно упразднилось, хотя бы временно, Патриаршество, как родившееся во всецело ненормальных обстоятельствах в начале гражданской войны и как считающееся значительным препятствием к восстановлению мира и единения. Вместо упразднившегося Патриаршества Высшее церковное управление там должен принять ныне свободно и канонически избранный Синод, который и выработает детали Синодального Управления Церковью в СССР»¹⁶⁰.

В полном соответствии с обращением Патриарха Григория Константинопольский Синод в тот же день, 6 мая, единогласно постановил: «1. Чтобы комиссия эта определенно опиралась на церковные течения, верные Правительству СССР. 2. Чтобы комиссия эта сделала надлежащим образом известный взгляд Его Святейшества и Священного Синода относительно необходимости удаления Святейшего Патриарха Тихона и упразднения, хотя бы временно, Патриаршества в СССР и с этим взглядом сообразовала свою деятельность. 3. Чтобы сделала известным взгляд Вселенского Патриарха, что новое положение о Высшем церковном управлении должно опираться на основы чисто церковной соборности и иметь форму свободно и канонически избранного Соборного Синода»¹⁶¹.

Согласно некоторым свидетельствам, на решение Константинопольского Синода повлияла тенденциозная информация лично близкого обновленцам архимандрита Василия (Димо-

¹⁵⁷ См.: *Троицкий П.* Патриарх Григорий VII и большевики. Париж, 1932.

¹⁵⁸ *Василий (Кривошеин), архиеп.* Богословские труды. Нижний Новгород, 2011. С. 178.

¹⁵⁹ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 192.

¹⁶⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 89, оп. 4, д. 89, л. 14.

¹⁶¹ *Там же.*

пуло). По утверждению обновленческой прессы, он даже «переосвящал» «тихоновские» церкви для обновленцев, поддерживая только с ними евхаристическое общение¹⁶².

1 июня в газете «Известия ЦИК» была опубликована еще более усугублявшая ситуацию статья с броским заголовком «Вселенский Патриарх отстранил бывшего Патриарха Тихона от управления Российской Церковью»: «Московский представитель Вселенского Патриарха архимандрит Василий (Димопуло) сообщил представителю РОСТА следующее: “Мною только что получено из Константинополя сообщение о том, что Константинопольский Патриарший Синод под председательством Вселенского Патриарха Григория VII вынес постановление об отстранении от управления Российской Православной Церковью Патриарха Тихона, как виновного во всей церковной смуте. Постановление это вынесено на заседании Синода при Вселенском Патриархе 6 мая и принято единогласно”. По словам архимандрита Василия, это постановление является результатом неоднократных советов со стороны восточных Патриархов и, в частности, сербского Патриарха. Вместе с тем Константинопольский Патриарх посылает в Москву авторитетную комиссию из виднейших восточных иерархов для ознакомления с делами Российской Православной Церкви. Одновременно Вселенский Патриарх признал [обновленческий] российский Синод официальным главою Российской Православной Церкви и запретил в священнослужении иерархов, бежавших из России в эмиграцию, во главе с Антонием Храповицким. Все эти иерархи предаются церковному суду»¹⁶³.

6 июня Патриарх Тихон получил письмо архимандрита Василия (Димопуло) с приложением выписок из протоколов заседаний Константинопольского Синода от 1 января, 17, 30 апреля и 6 мая 1924 г., из которых следовало, что Григорий VII, «изучив точно течение русской церковности и происходящие разногласия и разделения, для умиротворения дела и прекращения настоящей аномалии» решил послать в Москву, приняв во внимание исключительные обстоятельства и примеры прошлых времен, «особую миссию, уполномоченную изучать и действовать на месте на основании и в пределах определенных инструкций, согласных с духом и преданиями Церкви». В инструкции для членов комиссии Григорий VII выразил пожелание, чтобы Патриарх Тихон «ради единения расколовшихся и ради паствы пожертвовал Собою, немедленно удалившись от управления Церковью»¹⁶⁴.

В ответном послании Григорию VII от 18 июня Патриарх Тихон обоснованно отверг эти неуместные советы: «Мы немало смутились и удивились, что, глава Константинопольской Церкви, без всякого предварительного сношения с Нами, как с законным представителем и главою всей Русской Православной Церкви, вмешивается во внутреннюю жизнь и дела автокефальной Русской Церкви. Священные Соборы (см. 2-е и 3-е Правила II Вселенского Собора и др.) за епископом Константинопольским признавали всегда только первенство чести, но не признавали и не признают за ним первенство власти или первенство вообще. А потому всякая посылка какой-либо комиссии без сношения со Мною, как единственно законным и православным Первоиерархом Русской Православной Церкви, без Моего ведома не законна, не будет принята русским православным народом и внесет не успокоение, а еще большую смуту и раскол в жизнь и без того многострадальной Русской Православной Церкви. Народ не со схизматиками, а со своим законным и православным Патриархом. Позволительно усомниться и в предлагаемой Вашим Святейшеством мере умиротворения Церкви – Моего удаления от управления Церковью и хотя бы временного упразднения самого Патриаршества на Руси. Не умиротворит это Святую Церковь, а народит новую смуту, принесет новые скорби и без того многострадальным верным Нам архипастырям и пастырям.»¹⁶⁵ После этого письма Патриарх

¹⁶² Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 1 (14). С. 10.

¹⁶³ Известия ЦИК. 1924. 1 июня.

¹⁶⁴ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. С. 322–324; *Владислав Цыпин, прот.* Указ. соч. С. 112–113; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941. С. 194.

¹⁶⁵ Следственное дело Патриарха Тихона. М., 2000. С. 377; Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991).

Григорий VII фактически прервал общение с Патриархом Тихоном и в дальнейшем переписывался только с обновленческим Синодом. Под влиянием Константинопольской Патриархии обновленцев признали и некоторые другие Восточные Патриархи.

В июле 1924 г. архимандрит Василий обратился от имени Вселенского Патриарха Григория VII и «всего Константинопольского пролетариата» к главе Секретариата по делам культов при Президиуме ЦИК СССР П.Г. Смидовичу: «Одолов своих врагов, победив все препятствия, окрепнув, Советская Россия может теперь откликнуться на просьбы пролетариата Ближнего Востока, благожелательного к ней, и тем еще больше расположить к себе. В Ваших руках, тов. Смидович, сделать имя советской России еще более популярным на Востоке, чем оно было ранее, и я горячо прошу Вас, окажите Константинопольской Патриархии великую услугу, как сильное и крепкое правительство могущественной державы, тем более что Вселенский Патриарх, признаваемый на Востоке главой всего православного народа, ясно показал своими действиями расположение к советской власти, которую он признал»¹⁶⁶.

Однако никаких «великих услуг» советское правительство Фанару оказывать не стало (турецкое правительство Ататюрка для СССР было несравнимо важнее). Но при этом от идеи использовать фанариотов в своих интересах советское руководство не отказывалось. Вопрос о прибытии константинопольской делегации в Москву несколько раз обсуждался на заседаниях Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б), при этом принимались положительные решения. Последнее из них, принятое уже в сентябре 1924 г., гласило: «Разрешить и поручить тов. Тучкову обработать делегацию в желательном для нас направлении». Однако миссия из Константинополя не приехала. Большое влияние на Фанар имела позиция Великобритании, и, когда архиепископ Кентерберийский Дэвидсон выразил Патриарху Григорию свое недоумение по поводу его прообновленческой активности, тот, как писали «Церковные ведомости», ответил, что «“Живой Церкви” он не признает; Патриарха Тихона он признает законным представителем Русской Православной Церкви и не думал производить над ним суда; комиссию же он собирался послать для ознакомления со взглядами Патриарха Тихона по целому ряду современных вопросов; и теперь едва ли эта комиссия поедет в Россию»¹⁶⁷.

Вместо комиссии Патриарх Григорий направил обновленческому Синоду лишь свое приветствие в виде пасхальных яиц. 27 мая Константинопольский Патриарх издал окружное послание, в котором объявлял о созыве в 1925 г. Всеправославного Собора, приуроченного к 1600-летию I Вселенского Собора. И уже в июне 1924 г. обновленцы провели в 1-м Доме Советов так называемое Великое Предсоборное Совещание. В его проходившем под председательством митрополита Евдокима заседании приняли участие московские представители Константинопольского и Александрийского Патриархатов. Почетным председателем совещания был избран Патриарх Григорий VII, который, согласно обновленческим и советским источникам, приветствовал собрание особым посланием. В посвященной обновленческому совещанию статье «Известий ЦИК» говорилось: «Кардинальной заслугой Синода митрополит Евдоким считает налаживание связи с Вселенским Патриархом Григорием VII, а также и с Восточными Патриархами. К концу своей речи митрополит Евдоким огласил ряд посланий Вселенского Патриарха Синоду, из которых явствует, что Синод полностью им признан как высший авторитетный орган церковного управления в России»¹⁶⁸.

8 мая 1924 г. посетивший Афон митрополит Антоний (Храповицкий) получил от Патриарха Григория VII письмо, в котором указывалось, что без его согласия и разрешения владыка не может покинуть Святую Гору. Такой странный запрет, вероятно, был вызван опасениями

Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1. М., 1995. С. 210–211.

¹⁶⁶ Митрофан (Шкурин), игум. Русская Православная Церковь и советская внешняя политика в 1922–1929 годах: (По материалам Антирелигиозной комиссии) // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 166.

¹⁶⁷ Александр Мазырин, свщ. Указ. соч.

¹⁶⁸ Александр Мазырин, свщ. Указ. соч.

Константинополя, что авторитетный голос русского митрополита может вызвать оппозицию церковным реформам у других Восточных Патриархов, к которым собирался поехать митрополит. Владыка Антоний письмом вежливо попросил разрешения выехать на Восток, и затем, не дождавшись ответа, известил Вселенского Патриарха, что его виза истекает 14 июня, и направился в Александрию.

В это же время Патриарх Григорий VII потребовал от пребывавших в Константинополе русских архиепископов Анастасия (Грибановского) и Александра (Немоловского) прекратить выступления против советской власти, не помянуть Патриарха Тихона, и «дал им совет признать большевиков». Получив категорический отказ, он назначил следствие и запретил архиепископов в священнослужении¹⁶⁹. 24 мая Константинопольский Патриарх также написал руководству Сербской Православной Церкви послание с протестом против допущения на ее канонической территории деятельности русских заграничных органов церковного управления, но получил отрицательный ответ (2 декабря 1924 г. Сербский Архиерейский Собор, рассмотрев данный вопрос, принял постановление, в котором говорилось, что существование Русского Заграничного Управления канонически правильно и целесообразно)¹⁷⁰

---

¹⁶⁹ Монах Горазд. Указ. соч. С. 8.

¹⁷⁰ Троицкий С.В. История самочинной карловацкой организации // Церковно-исторический вестник. Москва. 2001. № 8. С. 41.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.